

АЛЕКСАНДР II В ЛЮБВИ И СУПРУЖЕСТВЕ

Николай Шамагонов

Любовные приключения
императора

 Любовные драмы

Любовные драмы

Николай Шахмагонов

**Александр II в любви и
супружестве. Любовные
приключения императора**

«ВЕЧЕ»

2018

Шахмагонов Н. Ф.

Александр II в любви и супружестве. Любовные приключения императора / Н. Ф. Шахмагонов — «ВЕЧЕ», 2018 — (Любовные драмы)

ISBN 978-5-4484-7813-0

Книга повествует о личной жизни императора Александра II, который считается одним из самых любвеобильных русских самодержцев. Также рассказывается о любовных коллизиях в жизни братьев Александра II, великих князей Константина и Николая, о судьбах жён государя-Освободителя – императрицы Марии Александровны и Екатерины Долгорукой, а также о любовных драмах его сыновей – Николая, рано ушедшего в мир иной, Александра, ставшего императором Александром III, и Алексея, морганатический брак которого с дочерью поэта Жуковского был расторгнут и который так и остался одиноким на всю жизнь.

ISBN 978-5-4484-7813-0

© Шахмагонов Н. Ф., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

«...Мог высечь только родной отец»	6
Воспитатель цесаревича	15
«Да встретит он – обильный чеством век!»	23
Отец – император Николай Великий	31
«14-го числа я буду государь или мертв!..»	48
«...До самой женитьбы своей не знал женщин»	53
Каждому ребенку нужно детство	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Николай Федорович Шамагонов
Александр II в любви и супружестве.
Любовные приключения императора

© Шамагонов Н.Ф., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

«...Мог высечь только родной отец»

Вечерело, и закатные лучи солнца пробивали наискось кабинет наследника российского престола, когда на пороге появился граф Адлерберг, старый приятель цесаревича Александра Николаевича и участник его юношеских забав и приключений. Теперь же за столом своего кабинета сидел повзрослевший молодой человек в военном мундире, строгий, подтянутый. Он вопросительно посмотрел на вошедшего, отрываясь от бумаг.

Адлерберг пояснил свой визит, не дожидаясь вопроса:

– Пришло письмо от попечителя учебных заведений города, – он сделал паузу и закончил, хитро улыбнувшись, – города Смоленска...

Цесаревич сразу встрепнулся, словно почувствовав, что письмо касается именно его, и не ошибся. На вопрос:

– Что же пишет попечитель?

Адлерберг, сделав шаг к столу и развернув лист бумаги, ответил:

– Сообщает о том, что гимназист Николай Пржевальский совершил поступок, за который его собираются исключить из гимназии.

– Что же такого он совершил?

– Выкрал и выбросил в Днепр журнал, в котором преподаватель записывал прегрешения гимназистов, – сообщил Адлерберг.

– Зачем? – удивленно спросил цесаревич.

– Донял гимназистов этот их преподаватель, ну и бросили жребий, кто выкрадет из канцелярии и уничтожит журнал. А когда в карцер отправили весь класс, гимназист Николай Пржевальский признался, что сделал это он. Директор гимназии принял решение об исключении...

– Вот даже как! – цесаревич встал из-за стола, подошел к окну и, не оборачиваясь, попросил продолжить рассказ.

– Матушка гимназиста Елена Алексеевна Пржевальская, – Адлерберг снова сделал паузу и уточнил, – в девичестве Каретникова, дочь помещика из Кимборова, умоляет не исключать. Ну хоть высечь за проступок, но не исключать.

– Высечь? И что же?

– По нашим законам высечь дворянина имеет право только отец, – напомнил Адлерберг.

– Знаю! – сказал цесаревич. – Давай письмо.

Адлерберг положил исписанный лист бумаги на стол и с интересом посмотрел на цесаревича. Тот еще раз пробежал глазами текст, усмехнулся и, склонившись над столом, написал резолюцию: «Высечь мерзавца, и всего делов!» А затем поставил свою подпись.

– А почему это попечитель тебе написал? – спросил, подавая Адлербергу письмо.

– Да потому что к наследнику престола чиновник его ранга обращаться не может.

– Понятно. Отправь письмо немедленно.

Адлерберг покинул кабинет, а цесаревич снова подошел к окну и задумчиво посмотрел на сочную зелень парка, на аллеи, открывающиеся из окон летней резиденции русских царей.

Кимборово, небольшое село Кимборово, помещик Каретников и его дочь, первая смоленская красавица. Все это вспомнилось остро, горячо, заставив забиться сердце. По пути в Смоленск поезд цесаревича, состоящий из множества карет с царскими вензелями на дверях, остановился в имении отставного магазин-вахтера Алексея Степановича Каретникова, за службу царскую награжденного дворянством и купившего имение у помещика, у которого до призыва в армию был крепостным.

За свой гвардейский рост, за разумение служебных дел получил Алексей Каретников многие награды в период службы. В Отечественную войну 1812 года возил царские депешы в войска и донесения из войск. Говорили, что его знал и уважал сам Михаил Илларионович

Кутузов. Знали Каретникова и при дворе, потому не случайно была запланирована остановка именно в Кимборове. До Смоленска уже не так далеко. Ну и въехать в город неплохо бы с утра, отдохнувшими, а не утомленными длинными дорожными перегонами.

Путешествие по России продолжалось уже не первый месяц, да вот только такой возможности, что открывалась в Смоленске, цесаревичу в других городах и не снилось. Строгий воспитатель Василий Андреевич Жуковский всегда находился рядом. Ну а значит, никаких развлечений. Только встречи с губернаторами, предводителями дворянства, посещения мануфактур и прочих учреждений. Балы и другие увеселительные мероприятия исключались начисто – такова воля отца, императора Николая Павловича, отправившего в путешествие двадцатилетнего сына. Задача – ознакомление с Россией, которой рано или поздно придется управлять. И еще одна цель – уже тайная, родительская – излечить любвеобильного молодого человека от страстных романов с фрейлинами, которым никто и числа не ведал. Отправил же император с сыном своим цесаревичем его воспитателя Василия Андреевича Жуковского совсем не случайно. Под его суровым оком не забалуешь...

*Цесаревич Александр со своим наставником поэтом В.А. Жуковским.
Неизвестный художник*

Кто ж знал, что случится непредвиденное. Когда проезжали Тулу, Василий Андреевич получил сообщение о болезни кого-то из родственников. Ну и вынужден был срочно отправиться в уездный городок Белев, что на берегу красавицы Оки. В Калугу, а затем в Смоленск таким образом цесаревич должен был ехать без своего воспитателя.

Кимборово... Июль... Летний зной спадал только к вечеру. Повернули к дворянской усадьбе. Лихо развернулись кареты, сверкая в закатных лучах вензелями.

Алексей Каретников, разумеется, был извещен Жуковским о том, что цесаревич остановится у него перед Смоленском. Все необходимое приготовил к приему дорогих гостей. Вышел хозяин навстречу, а за ним супруга с дочерью. По сторонам центральной усадебной аллеи челядь выстроилась.

Цесаревич легко выбрался, почти выпрыгнул из кареты, распрямился, поражая всех стройностью и выправкой, и, не чинясь, нарушая этикеты, направился к хозяину. Да так быстро, что тот и слова приветствия, заготовленные заранее, позабыл.

– Встречай, братец, встречай гостей незваных, – весело заговорил цесаревич.

– Да что, да почто незваных, – заговорил Каретников. – Дорогие гости, пожалуйста, в мои скромные чертоги.

Цесаревич сделал знак, чтобы его сопровождающие следовали за ним, да тут словно споткнулся. Подойдя к семейству Каретникова, он замер перед его дочерью, красота которой сразу обожгла сердце. Боже мой, куда уж там до нее штатным дворцовым красавицам, замученным столичным климатом петербургским. Кровь с молоком. Стройна, светловолоса, голубо-глаза – подлинная русская красавица. И откуда такое чудо в глуши, в сельце невеликом, заолуственным?

– Супружница моя, Ксения Ефимовна, – представлял меж тем Каретников.

«Красива, – отметил про себя цесаревич. – Есть в кого дочери быть волшебной, сказочной, неотразимой...»

Конечно, что-то сказал галантно. А сам-то, сам во все глаза на необыкновенную девицу...

– Дочь моя, Елена Алексеевна, – продолжил Каретников.

Редко цесаревич замирал перед столичными красавицами, а тут замер на мгновение и склонился, чтобы поцеловать руку, хотя хотелось в этот миг прикоснуться губами не только к маленькой милой ручке.

А она-то, Аленушка, словно из прекрасной русской сказки, тоже замерла, и тоже забилося ее сердечко в неведомых предчувствиях чего-то неотвратимого, чего-то доселе казавшегося невозможным для нее, совсем еще юной девицы.

А хозяин уже приглашал в дом на обед. В русских имениях в подобных случаях все что пополуночи – все обед, даже если и сумерки густятся вокруг.

На обеде все чинно, по этикету. Все, да не все. Словно в полусне цесаревич Александр и Аленушка, ломая все планы родительские, сели рядышком во главе стола – ну ни дать ни взять – жених и невеста. Наверное, уже в те минуты екнули сердца родительские и у Алексея Степановича, и у Ксении Ефимовны. К чему приведет такая вот влюбленность с первого взгляда, тем более влюбленность молодых людей, столь неравных по происхождению. Это тебе не отставной офицер Михаил Кузьмич Пржевальский, что повадился в дом, надоедая сватовством, пока не дал ему Алексей Степанович от ворот поворот и отказал в приемах. А тут – страшно сказать – наследник российского престола, сын грозного императора Николая Павловича, о котором более чем наслышан смоленский помещик Алексей Каретников.

Как себя вести? Что делать? На обеде сидели родители Елены Алексеевны как на раскаленных углях. Здравницы произносили, гостей потчевали, а сами глаз не спускали с цесаревича и доченьки своей. Эх, пара-то хоть куда. Друг другу под стать. Да только невозможна такая пара. Это в допетровские времена русский царь выбирал себе в жены первую красавицу из сотен девиц России. И не так уж важна была знатность невесты, хотя, конечно, те, кто занимался поиском красавиц, представляли на выбор дочерей вельмож, которые отблагодарить могли. Закулисные пружины и тогда действовали.

Но настали времена другие. По правилам, установленным в угоду Западу, жениться наследник престола мог только на европейской принцессе, чтобы через принцессу эту, когда она станет императрицей, воздействовать на русского государя.

Эх, были бы старые времена, допетровские, как славно могло все закончиться! Цесаревич был по-настоящему очарован, и когда после обеда Каретников пригласил гостей прогуляться по саду, случилось для него событие, встревожившее не на шутку. Цесаревич исчез. А вместе с ним исчезла и его доченька-красавица. Ну не так, чтобы уж совсем исчезли. Просто удалились от гостей и хозяев, уединились в саду.

Родители родителям рознь. Когда, к примеру, императору Павлу Петровичу, деду цесаревича Александра Николаевича, приглянулась на балу красавица Анна Лопухина, ее отец, поощряемый «гнусным турком Кутайсовым», был вне себя от счастья...

А что же здесь? Что можно было ожидать от юного цесаревича?

Следил Каретников краем глаза, да разве ж уследишь? Сад большой, имение вообще весьма и весьма солидное. Выйдя в отставку и женившись на богатой невесте из рода Демидовых, Алексей Каретников купил это имение у своего бывшего хозяина, помещика. Уж больно прикипел душой к этим местам.

И вот теперь по великолепному саду этого имения прогуливался с его дочерью не кто-то, а наследник российского престола.

Цесаревич и необыкновенная его спутница прошли немного по аллейке сада, а тут и беседка на пути, вся утопающая в зелени. Заглянули в нее. На столе книги.

Вот и тема для разговора...

– Что читаете? – с интересом спросил цесаревич.

– Писателя Нарезного, Василия Трофимовича Нарезного... Папенька из Смоленска привез. Слог замечательный, напевный, – проговорила Аленушка, пряча взор своих прекрасных глаз.

Цесаревич взял книгу, прочитал:

«Прелестна заря утренняя, когда ланиты ее сияют на чистом небе; благоухающ ветр кроткого вечера, когда веет он с лона розы и лилии; блистательны прелести ваши, девы славенские, когда кротость души и спокойствие сердца изображают светлые взоры ваши!»

Он посмотрел на Аленушку и сказал:

– Знаю, знаю... Это «Славенские вечера», посвященные древности. Это новелла, кажется, «Вечер седьмой: Ирена»?

И он, внезапно вспомнив обилие иноземных девиц при дворе, пробежал глазами по странице, выбрал то, что брало за душу, пристально глянул на смоленскую красавицу и, почти не глядя в текст, прочитал, видно, выстраданное в мыслях о будущем, о прекрасном, обо всем, что ожидает каждого великого князя в этой жизни:

«Не подражайте дочерям земель иноплемennых, которые славу свою полагают в искусстве прельщать, не чувствуя влечения сердечного. Тщеславятся они числом побед своих, коварством приобретаемых. Прелестью жизни называют они свободу буйную не покоряться святым законам стыдливости, лучшему украшению пола прелестного. Не подражайте им, дочери российские. Внемлите древней песне моей. Вы познаете, что победы таковы непродолжительны. Время откроет коварство, разврат, сокрытые под личиною кроткой любезности. Тогда исчезнет торжество мнимое, и преступная прелестница будет жертвою несчастною своих замыслов!»

Елена Алексеевна посмотрела на него с удивлением, и цесаревич, перехватив взгляд, сказал с улыбкой:

– Удивлены? Бравый военный и вдруг понимает и способен прочувствовать такие строки?

– Нет, нет, что вы?! – попыталась возразить девушка.

– Не надо. Я же вижу и не обижаюсь. Просто мой воспитатель, мой главный, я бы сказал, учитель знаете кто? – и, не дожидаясь ответа, назвал: – Василий Андреевич Жуковский. Слышали о таком?

– Еще бы...

И прочитала...

Ах! Не с нами обитает
Гений чистой красоты;
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты...

Цесаревич улыбнулся и сказал:

– Нет, нет. Тут не согласен. С нами обитает гений чистой красоты. С нами. Василий Андреевич мне говорил, что из этих его строк Пушкин взял в свое знаменитое стихотворение вот именно это. Помните: «Как мимолетное виденье, как гений чистой красоты...» Вы, именно вы, милая Аленушка, гений чистой красоты.

– Ну что вы, что вы?

– Не спорьте, не спорьте...

Цесаревич взял ее руку, поднес к губам и коснулся того места, где заканчивалась легкая перчатка.

– Настоящий мужчина, – продолжил он, – обязан быть решительным, смелым, обязан быть властным, обязан уметь вести за собой в бой... Но он обязан чувствовать «гений чистой красоты», понимать прекрасное, владеть не только резким языком командным, но и языком изящной словесности.

Он снова коснулся ее руки, полюбил за талию.

– Ой, нас, кажется, ищут, к нам идут.

Шел граф Адлерберг. Больше никто не решался нарушить уединения цесаревича и прекрасной дочки хозяина имения. Но это уединение становилось уже, мягко говоря, слишком затянувшимся.

– Да, да, граф! – кивнул цесаревич, упреждая какие-то слова, которые тот должен был произнести. – Мы идем. Что там?

– Вечерний чай...

– Ах, вечерний чай... Да, да... Мы сейчас. Еще пару минут.

Цесаревич был в этом месте и в эти часы главным, самым главным. Он мог решать и делать, казалось, все, что его душе угодно. Но это только казалось. И он в значительной степени являлся пленником этикета – тех ограничений, которые придумали себе люди, чтобы сделать свою жизнь сложнее, скучнее и неинтереснее. Ограничения в «многотажных человеческих хотениях» – любимая фраза Иоанна Грозного – необходимы, но важно, чтобы они исходили не от нарочитого «держат и не пущать», а из сердца, из души, порожденные не только знаниями порядков и правил, а воспитанием – правильным, назовем его патриархальным, – воспитанием, которое всегда выше образования, превращающегося в образованщину, если нет воспитания.

Цесаревич Александр Николаевич с самого раннего детства демонстрировал свои образованность (ведь у него были лучшие учителя) и воспитанность – ведь у него был необыкновенный, талантливый, чуткий, но в то же время, если нужно, требовательный и жесткий воспитатель – Василий Андреевич Жуковский.

Ну а уж педагогом Жуковский являлся отменным. В молодости он проявил себя учителем нескольких поколений своих племянниц по многим предметам, а в особенности по изящной словесности. Но и он однажды не выдержал искушения и горячо, до беспамятства влюбился в одну из своих учениц, с которой состоял в слишком близком родстве, чтобы надеяться на что-то серьезное в их отношениях.

Отменное воспитание цесаревича тоже не смогло оградить его от влюбленностей во фрейлин. И вот теперь он снова оказался в плену своих чувств, быть может, самых сильных и искренних в его жизни.

*Портрет великого князя Александра Николаевича.
Художник И. Винберг*

Они вышли из беседки и направились к дому, перед фасадом которого уже собрались и хозяева, и гости.

– Аленушка... Я не могу с вами расстаться. Одна мысль об этом убивает меня.

– Но что же делать? Мне тоже жаль, что вы уезжаете? Может, погостите у нас? – с надеждой прибавила она.

– О, нет. Увы. Мой батюшка-государь составил очень жесткий план путешествия. И завтра меня уже ждут в Смоленске. А знаете? Я приглашаю вас с собой, в Смоленск. Вы согласны?

Что могла сказать Елена Каретникова, ведь она была и во власти своей влюбленности, и во власти своих родителей. А что могли сказать они? Как ответить на приглашение дочери в поездку? Но ведь она была в какой-то мере и во власти наследника престола!

Какая буря чувств пронеслась в родительских сердцах, когда они слышали из уст цесаревича – наследника престола российского – просьбу отпустить с ним в Смоленск их юную доченьку, которую они берегли и лелеяли, которую охраняли от любых опасностей, в том числе и на любовной ниве?

Тут приходит некоторое сравнение об уже упомянутом вскользь случае на балу, хоть и весьма отдаленном по событийности, но похожим по сути своей.

Однажды на балу в Москве, во время празднований по случаю коронации, императора Павла Петровича пригласила на танец красавица Анна Лопухина. Этот случай описывается в разных вариантах. По одному из них, девица Лопухина, необыкновенно красивая, случайно подошла к императору – ошиблась. По другому варианту, она ошиблась намеренно и так мило стусевалась, что император был очарован в мгновение. Ну а далее... Далее самое интересное. «Гнусный турок Кутайсов», кстати, впоследствии предавший своего благодетеля в роковую ночь 11 марта 1801 года, и отец Анны Лопухиной тут же решили воспользоваться влюбленностью государя и сделали все, чтобы завязался роман. Тем более Павел Петрович, полный сил и энергии, оказался в весьма сложном положении. После последних родов его супруге Марии Федоровне врачи категорически, под страхом смерти, запретили выполнение супружеских обязанностей.

Но это было при дворе, где у многих прожженных царедворцев повредились нравы. А тут... Тут российская глубинка!

Конечно, если бы не жестокий закон, по которому великие князья, а в особенности наследники престола, могли жениться только на заморских принцессах, можно было бы уповать на такое развитие отношений, которое могло окончиться супружеством. Но в данном случае такой исход исключался полностью.

Ночь. Теплая июльская ночь. Короткая ночь. Цесаревичу не спалось. Вышел на балкон. Кругом тишина до звона в ушах. Смолкло все в господском доме, погасли свечи, потемнели глазницы окон. Где-то близко, за каким-то окном она, красавица Аленушка. Сердце забилося, когда вспомнил легкие прикосновения, вспомнил кроткий, нежный голосок, блеск прекрасных глаз. Заставил себя вернуться в комнату, лечь, постараться заснуть, ведь день ждал сложный, хлопотный.

Но долго не спалось родителям красавицы Аленушки. О чем только не передумали Алексей Степанович и Ксения Ефимовна, в каких переживаниях провели ночь, неведомо, да только поутру не смогли они найти убедительных аргументов, чтобы запретить дочери поездку в Смоленск. Не посмели они открыто высказать опасения, что цесаревич – наследник престола российского, сын негигаемого Николая Павловича – окажется обыкновенным соблазнителем и обесчестит их доченьку. Вон Лопухин мечтал, чтоб обесчестили, да только там-то как раз все завершилось лишь платоническим романом. А здесь?!

Но не будем забегать вперед...

Вспомним, как объяснил свой поступок в кинофильме «Жестокий романс» Паратов... Голову потерял и тому подобное, а потому неповинен и точка. Конечно, неуместна аналогия между цесаревичем, будущим выдающимся государем, павшим от рук врагов России, и взбалмошным, себялюбивым и эгоистичным купчиком. Но... чувства, если они действительно очень сильны и искренни, порой не знают границ. Приглашая красавицу Аленушку в поездку, цесаревич Александр Николаевич был охвачен лишь одним желанием – еще хотя бы немного побыть с нею рядом. Увы, он не принадлежал себе, он не мог взять да остаться погостить в Кимборове. Он был обязан сесть в карету и мчаться дальше, дальше и дальше по просторам России. Но у него было несколько дней на посещение Смоленска и на ознакомление со Смоленщиной. И он хотел, чтобы рядом была поразившая его красавица.

Утром поезд, составленный из карет с золочеными вензелями, пугая сельчан своей торжественностью, двинулся в путь. И в карете цесаревича рядом с ним умчалась из родитель-

ского гнезда впервые одна, впервые в обществе молодого человека юная красавица Аленушка Каретникова.

Путь до Смоленска не очень долг. А цесаревичу хотелось, чтобы он длился вечно. И того же хотелось его необыкновенной спутнице.

В Смоленске торжественная встреча. Губернатор – статский советник Виктор Яковлевич Рославец – всего лишь несколько дней назад, 6 июля 1837 года, принявший этот важный пост у своего предшественника действительного статского советника Николая Ивановича Хмельницкого, предупрежден. Хмельницкий, поэт и драматург, человек, хорошо известный Александру Сергеевичу Пушкину, за восемь лет своего губернаторства превративший Смоленск в литературный, читающий – насколько это возможно по тем временам – город, дал немало советов, как провести прием цесаревича, сопровождаемого известным литератором Жуковским. В городе было что показать. В 1831 году по инициативе Хмельницкого там открыта Смоленская губернская библиотека. Губернатор, используя свои литературные связи, сам комплектовал ее книжный фонд. Он обратился к известным литераторам, со многими из которых был в добрых отношениях. На эту просьбу откликнулся в числе других и Пушкин, приславший свои книги и журналы с публикациями.

Губернатор восстановил знаменитые Молоховские ворота, построил военный госпиталь, открыл новые мануфактуры.

И вот Рославцу выпала задача встретить цесаревича Александра и выполнить программу, о которой его предупредил в специальном письме Василий Андреевич Жуковский. Ну что же, опереться было на что. Город поднялся из руин после ожесточенных боев с врагом в 1812 году. Он был разрушен настолько, что долгие годы после освобождения города губернаторам приходилось жить в Калуге и оттуда руководить деятельностью губернии, а главное – ее восстановлением.

К приезду цесаревича город уже принял надлежащий вид, и в нем все было готово для выполнения задач путешествия. Губернатор полагал, что сразу ждут дела, дела, дела... Ждал указаний Жуковского, уточнений задач, да вот Жуковский-то и не приехал, и вышло все совсем не так. Граф Адлерберг взял на себя организацию мероприятий. Конечно, цесаревич со своей прекрасной спутницей посетил Смоленский театр, основанный в 1780 году и знаменитый тем, что первой зрительницей его была прабабушка Александра Николаевича императрица Екатерина Великая, побывал в госпитале, ведь там лечились воины русской армии, заглянул в библиотеку, не без желания Елены Алексеевны, ну а потом... Молодость есть молодость. Начались балы, балы, балы. Губернские вельможи с удовольствием откликнулись на такие вот предложения Адлерберга.

Что же мог сделать губернатор? Инструкции?! Так ведь и не спросишь ни у кого, можно ли их нарушать? От государя через Жуковского поступили загодя совсем иные распоряжения. Но к кому обращаться? Жуковского нет. А до государя далековато. Царедворцы же, сопровождавшие цесаревича, рядом. Как послушаться их?

Закрутилось, завертелось...

В театре, в ложе цесаревич и его спутница – самая красивая зрительская пара. На балах, где они не отрывались друг от друга, – самая красивая пара танцевальная.

Кто мог сказать, что следует, а чего не следует делать, кто мог сказать, как поступать влюбленным, которым ни минуты не хотелось быть друг без друга и которые, пользуясь полной свободой, ни на минуту не расставались целыми сутками.

Вот уж и время, отведенное на пребывание в Смоленске, закончилось. Вот уж пора бы мчаться дальше и дальше. Но куда же там?! Разве можно найти в себе силы оторваться от любимой.

И вдруг как гром среди ясного неба: в Смоленск прибыл Василий Андреевич Жуковский, совсем не имевший представления о том, что происходит. Прибыл и увидел своего воспитанника в обществе «гения чистой красоты».

Решение могло быть лишь одно. «Гения чистой красоты» немедленно отправить к родителям, а цесаревича посадить в карету, чтобы продолжить путешествие по России.

Спустя много лет прилетел отголосок того пребывания в Смоленске. А ведь воспоминания-то приятнейшие!

Цесаревич отошел от окна, сел за стол... В тот знойный июль 1837 года он вынужден был не по своей воле покинуть возлюбленную. Выхода действительно не было. Он не принадлежал тогда и не принадлежит теперь себе.

А Василий Андреевич Жуковский торопил. Ему и так уж неловко было перед государем за этакое отклонение от планов путешествия.

Воспитатель цесаревича

После Смоленска по плану путешествия – Москва. Это примерно четыреста километров. Ныне часов пять езды на поезде. В ту пору скорость летом была примерно 12 километров в час. То есть ожидал цесаревича не один день пути. Есть о чем подумать в дороге. Да и времени на раздумья предостаточно. Цесаревич сидел молча, отвернувшись к окну. Думал, вспоминал, быть может, мечтал о чем-то своем.

Ну и Жуковскому было о чем подумать в эти часы. Ай как нехорошо все вышло. Как нехорошо! Он ведь все понял. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять. Любовью светились лица цесаревича и смоленской красавицы. Тут и вопросов задавать не надо – ясно, что не только танцевали да спектакли в театре смотрели. Ну а ежели так, каковых же последствий можно ждать от этих горячих встреч?!

Жуковский всем своим существом ощущал ответственность за цесаревича, за его поступки. Ну так что же поделаешь-то – не смог его воспитать сухарем и аскетом. Воспитывал в нем чувство прекрасного, приобщал к изящной словесности, к шедеврам русской литературы, а шедевры-то, они ведь далеко не чужды любви...

*В.А. Жуковский.
Художник К.П. Брюллов*

Да и самому Жуковскому не чуждо это высокое, всепобеждающее чувство. Сложна судьба поэта и воспитателя, сложна и полна любовных коллизий.

Он и сам не сразу узнал о всех пикантных подробностях своей биографии, не ведал о том, что в той семье, в которой впервые увидел и ощутил себя человеком, он был незаконнорожденным, что в иных – но не в его случае – звали бы его с насмешками, как случалось в России, безбашенным, или байстрюком. А между тем был он кровным сыном помещика Афанасия Ивановича Бунина, но сыном от пленной турчанки по имени Сальха. Родился Жуковский 29 января 1783 года в селе Мишенском Белевского уезда Тульской губернии. Село находилось в трех верстах от Белева. Но почему же тогда Жуковский? Ведь в ту пору было принято давать незаконнорожденным детям собственную фамилию, правда, в усеченном на один слог виде. К примеру, внебрачный сын князя Трубецкого Иван Иванович стал Бецким, сын Репнина получил фамилию Пнин, ну и так далее. Ну а здесь и так фамилия отца была коротка – и усекаль

нечего. Не делать же фамилию «Нин»?! Но дело даже не в этом. Помещик Бунин нашел еще более безопасный для своей репутации способ. Он дал сыну фамилию жившего в его усадьбе бедного дворянина Андрея Григорьевича Жуковского, который согласился признать ребенка своим сыном.

Началось же все с шутки. Провожая своих крестьян на театр военных действий, помещик попросил: привезите, мол, мне в жены молодую турчанку, а то жена совсем старой стала.

И ведь привезли турчанку-то! Да только в жены ее Афанасий Иванович, конечно, не взял, во-первых, потому что неровня она, но, главное, потому что женат был, растил пятерых детей и не было никаких раздоров в семье.

В ту пору внебрачные связи помещиков с крепостными барышнями были делом нередким, нередким было и рождение внебрачных детей. Не сразу, судя по году рождения поэта, но помещик Бунин все же положил глаз на пленную турчанку. Была она работящей, скромной поведением своим, услужливой. Жила во флигеле для прислуги. Туда-то и стал наведываться тайком помещик, когда подросла его пленница. Привезли ее пятнадцатилетней. Не одну привезли, с младшей тринадцатилетней сестрой. Причем обе, видимо, полагали, что попали в гарем к русскому властителю. Да только младшая умерла вскоре от чахотки, а старшая оказалась пассивной барина, когда вошла в возраст девицы. До того времени она прислуживала сестрам будущего поэта, причем заслужила к себе доброе отношение. А вот как подросла, родила барину ребенка и получила вид на жительство в России. Документ так и именовался: «К свободному в России жительству».

Она не стала крепостной. В документе же говорилось, что пленена она была при взятии нашими войсками города Бендер в 1770 году «с прочими таковыми же в полон и досталась майору Муфелю, и того же году оным майором по выезде в Россию отдана им Бунину на воспитание, и по изучении российского языка приведена была в веру греческого исповедания, при чем восприемниками были жена Бунина Марья Григорьевна и иностранец, восприявший же веру греческого исповедания Дементий Голембевский».

Так и превратилась Сальха в Елисавету Дементьевну Турчанинову (отчество по имени восприемника при крещении). Указывались также основные приметы – то, что была она «росту среднего, волосы на голове черные, лицом смугла, глаза карие».

Трудно сказать, на каком бы положении был в семье сын Сальхи, но судьба определила ему роль хоть и внебрачного сына, но оказавшегося на положении особом. Дело в том, что за два года до рождения будущего поэта, в 1781 году, в Лейпциге внезапно умер сын Буниных. Два года – срок, конечно, недостаточный для того, чтобы могла стихнуть боль по безвременно ушедшему сыну, да и вообще такое горе неизлечимо, но все же это время, которое позволило здраво взглянуть на то, что ожидало семью. Девицы подрастали, но сына – наследника – не было.

Историк и биограф В.В. Огарков писал по поводу супруги помещика:

«Жена Бунина, Марья Григорьевна, урожденная Безобразова, кроткая и умная женщина, являлась в окружавшей ее среде сравнительно развитым человеком, что доказывается и тем образованием, которое она сумела дать, несмотря на невыгодные для этого тогдашние условия, своим дочерям и Жуковскому. Сам Бунин, очевидно, тоже не был из породы Митрофанушек – весьма распространенного типа того времени. Достаточно сказать, что единственный горячо любимый сын Буниных учился в университете в Лейпциге...»

Все эти факты особенно важны для оценки педагогических способностей Жуковского и его мастерства как воспитателя. И не только этого. Важно понять, почему его воспитанник цесаревич Александр вырос таким, каким вырос. В данном случае берем лишь одно направление – «материю любви».

Материя любви... Ныне это выражение и в названиях фильмов и книжных глав попало. А откуда оно? Все из того же Золотого века Екатерины Великой, который много, очень много

дал России. Так вот, когда государыня приблизила к себе Потемкина, примчался к ней брат Григория Орлова Алехан – так его звали и братья, и сослуживцы, – ну и сразу с вопросом: «Да или нет?» А государыня ему: «Ты об чем, Алехан?» А тот и ответил: «По материи любви!»

Любовь, она движет миром. Любовь поражает в равных степенях и простолюдина, и господина, от нее не уберечься никому. И титул цесаревича, и даже титул императора не могут оборонить от нее, разумеется, когда надо бы оборонить, когда любовь, может, позовет к той, которая не может по династическим правилам стать второй половинкой или когда она заставляет государя презреть семейные узы.

Проповедник суфизма Ал-Хамадани (1048/9—1138) учил: «Жизнь познается только в любви, а без любви найдешь лишь только смерть».

Это ли не объяснение трагедии любви, прошедшей через всю жизнь и самого воспитателя цесаревича Василия Андреевича Жуковского, и через семью или даже, можно сказать, семьи его воспитанника цесаревича, впоследствии императора Александра II, да и через судьбы его родных братьев великих князей Константина и Николая, о чем мы тоже поговорим в книге.

В судьбе наставника цесаревича поэта Жуковского, конечно, огромную роль сыграло его личное воспитание. Супруга его отца – Марья Григорьевна – фактически взяла на себя роль матери будущего поэта. Она ничем не отделяла его от своих детей, столь же серьезно занималась его воспитанием и столько же пристально руководила его образованием. Но в том-то и дело, что детьми-то ее кроме Василия Жуковского, которого она полюбила как родного сына, потеряв сына единственного, были девочки. Когда дочери подросли, Марья Григорьевна Бунина особенно привязалась к малышу, причем стала относиться к нему как к родному сыну. Ну а то, что он явился плодом любовных походов мужа, видимо, не очень сильно ее тревожило – в ту пору бывало всяко. Иные барыни сквозь пальцы смотрели на такие вот измены, чисто физиологические, ибо какие уж там могли быть романы любовные с прислугой?! Тем более женщины зачастую прежде мужей своих теряли интерес к усядам любви. А в данном случае известно, что своего ребенка Бунины после смерти сына завести уже были не в состоянии, причем по вине именно Марьи Григорьевны.

Так что Василий Андреевич был обласкан супругою отца, словно родной сын, а что касается матери, то и сказать трудно, что он знал о своем происхождении в годы младенчества. Марью Григорьевну нельзя назвать его мачехой. Какая мачеха при живой матери? Скорее к ней может подойти определение – вторая мать. Причем, по влиянию на Василия Андреевича, она выходила на первые роли, но не потому что от этих первых ролей отказывалась родная мать, а просто потому что у родной матери не было таких возможностей, которые были у Марии Гавриловны Буниной.

Биограф отметил, «что многие элегические ноты поэзии Жуковского обязаны тому факту, что мать его являлась рабыней в доме, ставшем сыну родным».

Известно, что на творчество каждого поэта влияет обстановка в семье, в которой он воспитывался.

Жуковскому вполне хватало материнского тепла, поскольку обстоятельства сложились так, что он получал это тепло не только от родной матери, но и от супруги отца, которая отчасти стала его второй матерью. Он оказался воспитанником женского общества – мать, супруга отца, старшая сестра, которая одновременно была крестной матерью, и племянницы – дочери старших сестер.

Именно это отложило отпечаток на его отношение к воспитанию цесаревича. Безусловно, понимая важность для России военного дела и необходимости воспитания будущего императора воином, он противился резких, по его мнению, перегибов, которые нередко получались в результате такого воспитания. Откровенно говорил, что слишком военизированное воспитание может привести к тому, что будущий император «привыкнет видеть в народе только полк, в Отечестве – казарму».

Когда восьмилетнего цесаревича император Николай Павлович взял на развод караулов, Жуковский написал письмо императрице Александре Федоровне:

«Я в газетах прочитал описание развода, на котором наш маленький Великий Князь явился верхом и пр. Эпизод, государыня, совершенно излишний в прекрасной поэме, над которой мы трудимся. Ради Бога, чтобы в будущем не было подобных сцен. Конечно, зрители должны восхититься появлением прелестного младенца; но какое же ощущение произвело подобное явление на его разум? Не понуждают ли его этим выйти преждевременно из круга детства?»

Жуковский через романтическую литературу, властвующую в то время над умами читателей, прививал у цесаревича любовь к прекрасному, ну а что может быть прекраснее прекрасных женщин?

Получив хорошее образование, Василий Андреевич преподавал дочерям своих сестер, своим юным племянницам, изящную словесность и другие науки. И тут его озарила любовь к одной из племянниц, перекроившая всю жизнь поэта. Он влюбился в дочь своей сестры Екатерины Афанасьевны Машеньку – Марию Андреевну Протасову.

Биограф Жуковского В.В. Огарков отметил:

«Окруженный такими друзьями, из которых некоторые отличались чуткостью и восторженностью, убаюкиваемый их нежными заботами и попечениями, поэт рано взрастил в себе то отчасти сентиментально-платоническое уважение к женщине, которое было так свойственно и многим героям его баллад и элегий. Это молодое и восторженное женское общество являлось постоянной аудиторией поэта: ему он поверял свои вдохновения, его одобрение служило для него критической меркой, а восторг, с которым встречались им творения юноши, – наградой. Вся эта ватага молодежи бегала по саду, полям и лугам; среди помянутого общества в разнообразных и живых играх невольно возбуждалось воображение, совершался обмен мыслей и укреплялись симпатичные связи. Стоит прочесть письма поэта к ставшим взрослыми членам этого детского кружка, – письма, исполненные нежной дружбы и, до самой старости Жуковского, какой-то трогательной скромности, – чтоб видеть, насколько сильны у него были связи с друзьями детства, а также и чистую, голубиную душу поэта. Укажем здесь, кстати, и на то, что упомянутый выше девственный ареопаг с ранних лет направлял Жуковского на путь девственной, целомудренной лирики».

Воспитание в чисто женском обществе наложило на него, как отметили биографы, серьезный отпечаток. Ведь женщин он видел не только в роли своих воспитателей, но детское общество состояло тоже из девочек.

Когда Василию Жуковскому исполнилось 14 лет, Марья Григорьевна Бунина отвезла его в Университетский благородный пансион. Помогал в устройстве давний ее знакомый директор Московского университета с 1796 по 1803 год Иван Петрович Тургенев (1752–1807). Он был действительным тайным советником, состоял в масонской ложе Новикова.

В университете – мужской коллектив. Появились друзья из довольно известных семей России. В их числе сыновья директора Московского университета Александр и Андрей Тургеневы. Дружба с Александром Ивановичем Тургеневым (1784–1846) продолжалась до кончины Тургенева. Но эти друзья почти все сплошь были членами тайных обществ, что и Жуковского привело в масоны. Вот и получилось, что воспитатель будущего русского самодержца, то есть человека, который готовился заступить на пост, совершенно антимасонский, сам был вольным каменщиком, то есть принадлежал к тайному обществу, созданному для сокрушения монархий, а в первую очередь – русского православного самодержавия.

Отсюда, от этого общества, у Жуковского появилась приверженность к мистике. Именно в пансионе, где большое значение уделялось творчеству воспитанников, Жуковский в 1797 году написал «Мысли при гробнице». Эти мысли навеяло печальное для него известие о смерти старшей сестры и крестной Варвары Афанасьевны Юшковой.

А потом были опубликованы «Майское утро» (1797), «Добродетель» (1798), «Мир» (1800), «К Тибуллу» (1800), «К человеку» (1801) и другие. Тогда же попробовал свои силы и в переводе романа Коцебу «Мальчик у ручья» (Москва, 1801).

Жуковский, как отмечал биограф В.В. Огарков, вырос «в религиозной семье, где соблюдение обрядов считалось безусловно необходимой обязанностью». Огарков писал: «Ребенком он часто ходил в церковь, слушал там певчих, целовал образа и херувима на царских вратах. Его душу, склонную от природы к умиленным созерцаниям, настраивали на религиозный лад те поминальные службы по его отцу, которые справлялись целый год в их сельском храме. Особенность его положения в семье Буниных, где он все-таки был «приемыш», тоже давала пищу для меланхолических размышлений, естественным переходом для которых является религиозное настроение, и обращение опечаленной души к Высшему Существо, способному устроить «все к лучшему». В этих далеких, но могучих впечатлениях детства, резкими чертами запечатлевшихся в сердце, можно найти немало причин тех мистических и сентиментальных произведений, которыми изобиловала поэзия Жуковского. И религиозные мотивы удерживали от активного участия в выполнении антигосударственных задач, которые ставила принадлежность к тайному обществу. Насколько? Ответить на этот вопрос сложно. Почти невозможно.

Все творчество Жуковского пронизано любовью, ведь основу составляют самые различные, порою очень острые любовные истории, названные автором романтическими балладами.

Конечно, все это настолько охватило Жуковского на всю жизнь, что он и воспитаннику своему привил романтические чувства. Ведь, пока Жуковский подрастал, мужал, вокруг него кипели любовные драмы и трагедии в судьбах его сестер. Сестры были значительно старше него, а потому не все в их жизни было понятно, да и не все известно. Другое дело – племянницы. С ними сложились самые добрые, чуткие отношения.

Если племянницы – дочери старшей сестры – были почти что его сверстницами, то дочери Варвары Афанасьевны, его крестной матери, моложе. Перед ними – Марией и Сашенькой – он уже выступал как учитель...

Жуковский, всегда принимавшийся серьезно за всякое дело и желавший во всякой области знания «объять необъятное» – за что устаивался от друзей добродушных насмешек, – составил обширный педагогический план. При обучении своих воспитанниц он хотел пополнить и расширять собственное образование.

В составленную Василием Андреевичем программу входил разбор произведений Державина, Шиллера и Гете, Шекспира, Расина, Корнеля, Вольтера, Руссо. Предметом изучения он сделал и произведения античной литературы. Познакомил племянниц с произведениями Ювенала и Горация.

Занятия занятиями, но дело молодое и сердцу не прикажешь... Он полюбил свою племянницу Машеньку, хотя понимал, что любовь эта бесперспективна. Пришлось обещать своей сестре Екатерине Афанасьевне держать в тайне свои чувства. Екатерина Афанасьевна верила в порядочность и честность своего сводного брата, любимца всей семьи, всех сестер, фактически воспитанного сестрами.

Что же оставалось? Да то, что остается в таких случаях поэту. Жуковский писал стихи... Причем он не мог даже поверить бумаге настоящее имя своей любимой.

В 1808 году стало окончательно понятно, что любовь вряд ли может привести к их соединению брачными узами. Крик души слышен в стихотворении, которое поэт назвал: «К Нине. Послание».

Несчастливая любовь впоследствии помогала Жуковскому понять своего воспитанника, конечно, в тех случаях, когда он видел, что цесаревич сражен не очередным увлечением, а искренней, сильной любовью, которая, к примеру, была у него к Ольге Калиновской.

Как же попал в воспитатели наследника русского престола вольный каменщик? Очень просто. В эпоху правления императора, известного нам под именем Александра I, – такая преамбула далее будет разъяснена подробно – масонские ложи особенно сильно распространились по России. Даже говорили тогда, что если не каждый масон был дворянином, то каждый дворянин был масоном. Поэтому привлечение ставшего в ту пору известным поэта к дворцовой службе никого не удивило.

*В.А. Жуковский в 1820-х гг.
Художник П. Соколов*

4 сентября 1815 года Жуковского пригласил в Павловск сенатор Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий (1751–1828), в прошлом статс-секретарь Павла I и почетный опекун Воспитательного дома, в ту пору известный в дворянских кругах поэт. Он пользовался особым доверием государя. Именно он после того, как прошло предложение Литта о титуле царя, составлял всеподданнейшее прошение о принятии императором титула Благоден-

ного. Когда начались приготовления к встрече государя в Петербурге, он вместе с князем Вяземским и Батюшковым составлял хоры и стихи. Ему было поручено императором неотлучно находиться при Особе Императрицы Марии Федоровны. Именно по его инициативе и с совершенного согласия Марии Федоровны Жуковский был назначен ее чтецом. И началось возвышение.

Назначение чтецом при вдовствующей императрице Марии Федоровне было только началом придворной службы. Вскоре, уже в конце 1817 года, Василия Андреевича сделали учителем русского языка супруги великого князя Николая Павловича великой княгини Александры Федоровны.

Но вернемся к путешествию по России, в котором Жуковский сопровождал своего воспитанника, уже возмужавшего и окрепшего.

«Да встретит он – обильный честью век!»

23 июля цесаревича Александра Николаевича встречала Москва. Жуковский, регулярно посылавший отчеты о путешествии и государю, и отдельно императрице Александре Федоровне, урожденной Фридерике Шарлотте Вильгельмине (Шарлотте Прусской), 24 июля писал о встрече, организованной духовенством:

«...А когда мы вошли в собор, где на моем веку совершилось уже три коронования, когда запели это многолетие, столько раз оглашавшее эти стены, когда его (цесаревича) повели прикладываться к образам и мощам, когда опять сквозь густую толпу он пошел в собор Благовещенский и Архангельский и наконец на Красное крыльцо, на вершине которого остановился, чтобы поклониться московскому народу, которого гремящее ура слилось с звуком колоколов, и когда в этом звуке, так сказать, раздался тот чудный голос, который столько предков на этом месте слышали, который будут слышать потомки, пока будет жива Россия...»

Жуковский... Человек долга и чести! Цесаревич давно убедился в этом. Но как же оценить содеянное, как оценить то, что именно Василий Андреевич, его воспитатель, разлучил с возлюбленной? Жуковский конечно же понял, что цесаревич перешел со смоленской красавицей определенную грань в своих отношениях, а переход этой грани чреват последствиями прежде всего для возлюбленной, для «гения чистой красоты».

Не цесаревич виноват, что с петровских времен действовал жестокий закон, ставивший под контроль Россию с помощью иноземных жен. Правда, закон этот пробуксовывал по той причине, что практически все иноземные принцессы, оказываясь в России, принимая Православие и становясь императрицами, оказывались патриотками вновь приобретенного Отечества.

Жуковский... Цесаревич помнил его столько же, сколько помнил себя. И действительно, Василий Андреевич оказался человеком, близким к царской семье еще до рождения Александра Николаевича.

В 1815 году Жуковский опубликовал в журнале «Сын Отечества» стихотворение, которое назвал «Молитва русского народа». В стихотворении были поначалу две строфы...

Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю —
Все ниспошли!

Стихи были представлены вначале императрице Марии Федоровне, а затем императору Александру I, который в конце 1816 года издал указ, возводивший это стихотворение в ранг государственного гимна и устанавливающий порядок его исполнения. Утверждалось исполнение этого гимна при встречах императора. Для исполнения была приспособлена музыка британского гимна, написанная Генри Кэри.

Позднее Жуковский дописал еще одну строфу...

О, Провидение!
Благословение

Нам ниспошли!
К благу стремление,
В счастье смирение,
В скорби терпение
Дай на земли!

Этот текст Жуковского оставался государственным гимном России вплоть до 1833 года, когда был сменен гимном «Боже, Царя храни!» (в нем тоже использовались строфы из стихотворения Жуковского).

А случилось так. В 1833 году император Николай I нанес визиты в Австрию и Пруссию. И везде его встречали гимном «Молитва русского народа», исполняемым на мотив английского гимна. Но если императору Александру такое исполнение, очевидно, нравилось – связь его с Англией достаточно известна, – то императора Николая Павловича это совсем не радовало. В свите императора был композитор и дирижер Алексей Федорович Львов (1798–1870), участник Русско-турецкой войны (1828–1829 гг.), проявивший себя в боях под Шумлой, а также при осаде и взятии Варны, награжденный бантом к ордену Св. Владимира IV степени и орденом Св. Анны II степени. Ему-то и поручил император написать свою, русскую музыку к гимну Российской империи.

В декабре гимн был впервые исполнен, причем первоначально его называли по-прежнему: «Молитва русского народа». А 31 декабря 1833 года император Николай Павлович своим указом сделал его официальным гимном Российской империи под новым названием «Боже, Царя храни!».

Композитору была пожалована осыпанная бриллиантами табакерка с портретом государя. 11 апреля 1834 года Львов стал флигель-адъютантом.

Текст был расширен Жуковским...

В этот период поэт прочно обосновался при дворе и отношение к нему в царской семье было самое благоприятное.

17 апреля 1818 года в семье великого князя Николая Павловича и великой княгини Александры Федоровны родился сын Александр, будущий император Всероссийский Александр II Николаевич.

Жуковский посвятил этому событию стихотворение, посвященное великой княгине Александре Федоровне.

ГОСУДАРЫНЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ АЛЕКСАНДРЕ ФЕДОРОВНЕ НА РОЖДЕНИЕ В. КН. АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ПОСЛАНИЕ

Изображу ль души смятенной чувство?
Могу ль найти согласный с ним язык?
Что лирный глас и что певца искусство?..
Ты слышала сей милый первый крик,
Младенческий привет существованью;
Ты зрела блеск проглянувших очей
И прелесть уст, открывшихся дыханью...
О, как дерзну я мыслию моею
Приблизиться к сим тайнам наслажденья?
Он пролетел, сей грозный час мученья;

Его сменил небесный гость Покой
И тишина исполненной надежды;
И, первым сном сомкнув беспечны вежды,
Как ангел спит твой сын перед тобой...
О мать! кто, какой язык земной
Изобразит сие очарованье?
Что с жизнью прекрасного дано,
Что нам сулит в грядущем упованье,
Чем прошлое для нас озарено,
И темное к неизвестному стремление,
И ясное для сердца провиденье,
И что душа небесного досель
В самой себе неведомо скрывала —
То все теперь без слов тебе сказала
Священная младенца колыбель.
<...>

Он восклицал о России, о Москве...

<...>
Торжественно державный Кремль стоял...
Казалось, все с надеждой ожидало.
И в оный час пред мыслию моей
Минувшее безмолвно воскресало:
Сия река, свидетель давних дней,
Протекшая меж стольких поколений,
Спокойная меж стольких изменений,
Мне славную блистала стариной;
И образы великих привидений
Над ней, как дым, взлетали предо мной;
Мне чудилось: развертывая знамя,
На бой и честь скликал полки Донской;
Пожарский мчал, сквозь ужасы и пламя,
Свободу в Кремль по трупам поляков;
Среди дружин, хоругвей и крестов
Романов брал могущество державы;
Вводил полки бессмертья и Полтавы
Чудесный Петр в столицу за собой;
И праздновать звала Екатерина
Румянцева с вождями пред Москвой
Ужасный пир Кагула и Эвксина.
И, дальние лета перелетев,
Я мыслию ко близким устремился.
Давно ль, я мнил, горел здесь божий гнев?
Давно ли Кремль разорванный дымился?
Что зрели мы?.. Во прахе дом царей;
Бесславие разбитых алтарей;
Святылища, лишённые святыни;
И вся Москва как гроб среди пустыни.

И что ж теперь?.. Стою на месте том,
Где супостат ругался над Кремлем,
Зажженною любуюся Москвою, —
И тишина святая надо мною;
Москва жива; в Кремле семья царя;
Народ, теснясь к ступеням алтаря,
На празднике великом воскресенья
Смиренно ждет надежды совершенья,
Ждет милого пришельца в божий свет...

<...>

Да встретит он – обильный честию век!
Да славного участник славный будет!
Да на чреде высокой не забудет
Великого из званий: человек!
Жить для веков в величии народном,
Для блага всех – свое позабывать,
Лишь в голосе отечества свободном
С смирением дела свои читать!

И вот вскоре, в 1825 году, Жуковский был назначен воспитателем семилетнего наследника престола, цесаревича Александра. Это назначение на долгие годы привязало его к будущему императору Александру Освободителю.

Вот как охарактеризовала воспитателей в своих воспоминаниях «Сон юности» великая княжна Ольга Николаевна:

«В июле 1824 года воспитателем Саши был назначен Карл Карлович Мердер. Он был прирожденный педагог, тактичный и внимательный. Правилom его работы было развить хорошие черты ребенка и сделать из него честного человека. И этому правилу он оставался верен совершенно независимо от того, был ли его воспитанник простым смертным или великим князем. Таким образом он завоевал любовь и доверие ребенка. Он не признавал никакой дрессировки, не подлаживался под отца, не докучал матери, он просто принадлежал семье: действительно драгоценный человек! Никто из тех, кто окружал нас, не мог с ним сравниться. Судьбе было угодно, чтобы он не дожил до совершеннолетия Саши. Он умер в Риме в 1834 году.

Карл Карлович очень любил меня, маленькую и застенчивую. Он точно оценил искренность моих побуждений и взглядов: “Что она говорит, то она и делает: человек слова”».

Далее великая княжна Ольга Николаевна рассказывает непосредственно о Василии Андреевиче Жуковском:

«Что же касается Жуковского (крупнейшего русского поэта), Сашиного второго воспитателя, этот был совершенно иным: прекрасные намерения, планы, цели, системы, много слов и абстрактные объяснения. Он был поэт, увлеченный своими идеалами. На его долю выпала незаслуженная слава составления плана воспитания наследника престола. Я боялась его, когда он входил во время урока и задавал мне один из своих вопросов, как, например, во время урока Закона Божия:

– Что такое символ?

Я молчу.

– Знаете ли вы слово “символ”?

– Да.

– Хорошо, говорите!

– Я знаю символ Веры, “Верую”.

– Хорошо, значит, что обозначает символ Веры?

Мне сейчас 59 лет, но этот вопрос привел бы меня и сегодня в смущение. Что могла ответить на это девочка! Жуковский читал выдержки из того, что он написал о воспитании, нашей Мамá (здесь и далее произносится с ударением на втором слоге. – *Н.Ш.*), которая после таких длинных чтений спрашивала его просто:

– Что вы, собственно, хотите?

Теперь был его черед молчать. Я склонна признать за ним красоту чистой души, воображение поэта, человеколюбивые чувства и трогательную веру. Но в детях он ничего не понимал».

Вот такие впечатления остались у великой княжны. Она строга в оценке, но не будем спешить с выводами. Посмотрим, к чему привело наследникам престола воспитание Жуковского? Причем обратим внимание и на то доброе и вечное, что было заложено в нем, и на то, что подвергалось осуждению современниками. Впрочем, судить никого, а тем более государей, никто не вправе. Скорее нужно в данном случае объяснить те или иные поступки, учитывая время их совершения и обстановку в стране и русском обществе, уже начавшем разлагаться под влиянием заимствования у Запада всего дурного – доброе редко занимали за рубежом.

У Жуковского была своя любовная драма, у цесаревича – своя. И воспитатель прекрасно понимал своего воспитанника. Ольга Калиновская! Именно чувства к ней волновали наследника престола перед отъездом в путешествие, именно они тревожили родителей.

У Жуковского появилась слабая надежда, что встреча со смоленской красавицей излечит от дворцового романа. Но именно только слабая надежда. Это сам Жуковский был, можно сказать, однолюбом, но цесаревич на такового никак не походил. Правда, задержалось его внимание на Ольге Калиновской довольно долго, но вот теперь новая любовь к Елене Каретниковой. Любовь бесперспективная, как, впрочем, и любовь к фрейлине Калиновской.

Наконец путешествие подошло к концу, и наставник со своим воспитанником вернулись Царское Село. Радостная встреча с державными родителями. Отец обнял, сурово взглянул, сказал несколько теплых слов. Мать нашла похудевшим, стала интересоваться здоровьем. Цесаревич абсолютно здоров. А вот что-то неуловимо вызывает беспокойство. Чем-то все же озадачен.

Жуковский в подробностях не писал о том, что произошло в Смоленске, – не все письма доверишь, да и нет четкого представления о том, что же, собственно, там было. Теперь, после хлопот, связанных со встречами, уединился с императором в кабинете. Рассказал со всеми известными ему подробностями, заметив, что увлечение сильное и, возможно, заставит все-таки забыть дворцовый роман.

Государь выслушал, нахмурился, попросил Жуковского проследить за последствиями смоленского романа. За какими? Ясно без слов. Этакie вот любовные вспышки нередко оставляли последствия.

Через пару дней стало ясно, что роман в путешествии если, может, и не забыт вовсе, если и сохранился в душе, то где-то очень глубоко. А имя Ольги Калиновской снова на устах цесаревича, и снова тайные встречи.

Глава тайной полиции, начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий III отделением Леонтий Васильевич Дубельт (1792–1862) вспоминал:

«Наш наследник мечтал об Ольге Калиновской, это было страшно! Кроме того, что такому молодцу, сыну такого отца, такому доброму славному человеку, такая жена не по плечу, кроме того, она полька, недалекого ума, сродни всем польским фамилиям, искони враждебным России, это могло бы задавить нас».

Конечно, история умалчивает о характере этих встреч. Но существуют некоторые сопутствующие сведения, говорящие об отношениях очень близких. Так, сын Ольги Калиновской

впоследствии заявлял, что его отец именно Александр Николаевич. Но об этом, как и о судьбе Калиновской, несколько далее.

Ну а пока поговорим о противодействии, которое пытались оказывать родители этому невероятному увлечению своего сына – наследника престола российского, да и о самих родителях.

Нередко можно слышать о том, что цесаревич Александр в плане чрезмерного увлечения представительницами прекрасного пола целиком является сыном своего отца.

Но так ли это? Давайте обратимся к воспоминаниям дочери Николая Павловича, Ольги Николаевны, которая была третьим ребенком в семье и второй дочерью в пору ее рождения еще великокняжеской четы.

Великая княжна, а впоследствии королева Вюртембергская, вспоминала:

*Великая княжна Ольга Николаевна.
Художник К. Робертсон*

«Во время моего появления на свет император Александр I был на конгрессе в Вероне, последнем в своем роде, на котором монархи и министры сошлись вместе, чтобы обсудить европейские вопросы. По своем возвращении государь привез мне, как подарок к крестинам, бокал из зеленой эмали и такую же чашу, которые я храню до сих пор. Когда он снова увидел Мама во всей прелести ее юности, с ребенком на руках подле отца, смотревшего на нее с гордостью и любовью, бездетный государь был необыкновенно тронут и сказал: *“Было бы ужасно и непростительно, если когда-либо в жизни один из вас разочарует другого. Верьте мне, существует только одно истинное счастье – семья. Берегите ее священный огонь”*».

Это сказал человек, который известен в истории как воинствующий ловелас, который не упускал случая добиваться, мягко говоря, расположения всякой прелестной дамы, которая встречалась на его жизненном пути.

Мы не будем здесь вникать во все те увлечения и серьезные романы, которыми полна жизнь императора, известного нам под именем Александра I, но обратим внимание на то, что в зрелом возрасте, а когда в сентябре 1822 года появилась на свет великая княжна Ольга Николаевна, ему уже было – согласно официальной биографии Александра Павловича – почти 45 лет.

Снова уточню... Согласно официальной биографии! Дата рождения Симеона Афанасьевича Великого, который, волею судьбы, оказался в роли императора Александра I, неизвестна. Он был чуть старше своего единокровного брата Александра. И стало быть, автору приведенной великой княжной слов было под пятьдесят.

Здесь налицо переоценка ценностей, сделанная императором, но коснемся его пожелания молодой чете. Удалось ли родителям цесаревича Александра императору Николаю Павловичу и императрице Александре Федоровне сберечь «священный огонь» супружества?

Но прежде, конечно, необходимо сказать несколько слов о самих родителях цесаревича.

Отец – император Николай Великий

«Николай Великий». Да, именно так предлагали назвать императора Николая I многие подлинные летописцы старины, в том числе и люди духовного звания.

Он родился богатырем.

25 июня 1796 года Екатерина Великая в письме к одному из своих адресатов с нескрываемым восторгом сообщила:

«Сегодня в три часа утра мамаша (великая княгиня Мария Федоровна. – *Н.Ш.*) родила большущего мальчика, которого называли Николаем. Голос у него бас, и кричит он удивительно; длиною он – аршин без двух вершков, а руки немного меньше моих. В жизнь мою в первый раз вижу такого витязя. Если он будет продолжать, как начал, то братья окажутся карликами перед этим колоссом».

И действительно, маленький великий князь Николай начал удивлять и родителей, и державную свою бабушку, и нянек уже с первых дней своей жизни. Рос он, как утверждают современники, не по дням, а по часам, словно покровительствовал ему сам Николай Чудотворец. В письме, направленном тому же адресату менее чем через две недели спустя после первого, государыня писала, дивясь и радуясь:

«Витязь Николай уже три дня кушает кашку, потому что беспрестанно хочет есть. Я полагаю, что никогда осьмидневный ребенок не пользовался таким угощением; это неслыханное дело. У нянек просто руки опускаются от удивления; если так будет продолжаться, придется по прошествии шести недель отнять его от груди. Он смотрит на всех во все глаза, голову держит прямо и поворачивает не хуже моего».

Гавриил Романович Державин отозвался одой на рождение будущего императора, хотя о том, что он может стать императором, никто в то время и думать не мог. Николай был третьим сыном императора Павла Петровича.

Но Державин прорицал в стихотворении «На крещение великого князя Николая Павловича»:

Блаженная Россия!
Среди твоих чудес
От высоты святыя
Еще залог небес
Прими и веселися,
Сугубым блеском осветися!

Се ныне дух Господень
На отрока сошел;
Прекрасен, благороден
И, как заря, расцвел
Он в пеленах лучами:
Дитя равняется с царями.
Родителям по крови,
По сану – исполин;
По благости, любви,
Полсвета властелин:
Он будет, будет славен,
Душой Екатерине равен.

Российский филолог, академик Яков Карлович Грот (1812–1893) рассказал:

«...Крещение было совершено 6 июля, в воскресенье, духовником императрицы, протопресвитером Иоанном Иоанновичем Панфиловым. Новорожденный внесен был в церковь из внутренних покоев статс-дамою Шарлоттою Карловною Ливен; его поддерживали, по принятому этикету, с правой стороны обер-шталмейстер Л.А. Нарышкин, а с левой генерал-аншеф граф Н.И. Салтыков. Восприемниками от св. купели были великий князь Александр Павлович и великая княжна Александра Павловна...»

Радости императрицы не было предела. 6 июля 1796 года она подготовила манифест о рождении великого князя Николая Павловича, который был печатан в Петербурге при Сенате 9 июля 1796 года. В нем значилось:

«Божиею Милостию
Мы, Екатерина Вторая,
Императрица и Самодержица Всероссийская,
и прочая, и прочая, и прочая,
Объявляем всем верным нашим подданным:

В 25-й день июня Наша любезная невестка Великая Княгиня разрешилась от бремени рождением Нам внука, а Их императорским Высочествам сына, нареченного Николаем.

Таковое императорского Дома Нашего приращение приемлем мы вящим залогом благодати Всевышнего, на Нас и Нашу империю обильно изливаемой, и потому, возвещая о сем Нашим верным подданным, пребываем удостоверены, что все они соединят с Нами усердные к Богу молитвы о благополучном возрасте новорожденного и преуспевании во всем, что к расширению славы Дома Нашего и пользы Отечества служить может. Повелеваем в прочем во всех делах, где приличествует, писать и именовать сего любезного Нам внука Его императорским Высочеством Великим Князем.

Дан в Царском Селе июля 6-го в лето от Рождества Христова 1796-е, Царствований же наших Всероссийских в тридесят пятое и Таврического в третье на десять.

На подлинном подписано собственною Ее императорского Величества рукою тако: Екатерина».

«Дитя равняется с Царями», – написал Державин, но ведь Николай являлся третьим сыном Павла Петровича, а потому шансов когда-то занять престол русских царей у него было весьма мало. Тем не менее у императора Павла Петровича были свои мысли по этому поводу. Под вечер 11 марта 1801 года, то есть за несколько часов до своей гибели от рук заговорщиков, император Павел зашел в детскую, чтобы пожелать доброй ночи своим любимым младшим сыновьям Николаю и Михаилу.

– Батюшка, отчего вас называют Павлом Первым? – неожиданно спросил Николай.

– Потому что не было другого государя, который бы носил это имя до меня, – ответил император.

– Тогда, значит, меня будут называть Николаем Первым?! – воскликнул маленький великий князь, который на пятом году жизни уже знал историю династии.

– Если ты вступишь на престол! – ответил ему Павел Петрович и, простившись с сыновьями, в раздумье покинул детскую.

Существует предание, что незадолго до своей смерти Павел I, получив сведения о готовящемся заговоре, решил издать специальный манифест, в котором объявить наследником российского престола любимого сына Николая. Граф И.П. Кутайсов впоследствии вспоминал, что государь сказал ему однажды: «Подожди еще пять дней, и ты увидишь великие дела!», а потом,

подумав, произнес весьма загадочно что-то вроде того, что он или престол помолодеет на двадцать лет. Чтобы привести в действие свой план, государь срочно вызвал в Петербург преданных ему графа Алексея Андреевича Аракчеева и Федора Васильевича Ростопчина, но было поздно. Депешу, направленную им, тайком прочитал руководитель заговора Пален, под началом которого была и почтовая служба России. Он принял все меры к тому, чтобы Аракчеев не мог попасть в столицу.

Кутайсов не понял намек государя, потому что ему были неведомы пророчества Авеля-прорицателя. Во время беседы с Авелем на вопрос, заданный государем о том, кто взойдет на престол после Александра, монах ответил:

– Сын твой, Николай!

– Как? У Александра не будет сына? Тогда цесаревич Константин!

– Константин царствовать не восхочет, памятуя судьбу твою, и от мора кончину приемлет. Начало же правления сына твоего Николая дракою, бунтом вольтерьянским зачнется. Сие будет семя злоторное, семя, пагубное для России, кабы не благодать Божия, Россию покрывающая... Лет через сто примерно после того, оскудеет Дом Пресвятой Богородицы, в мерзость запустения Держава Российская обратится.

Лет через сто! Недаром добропорядочные исследователи русского прошлого в один голос утверждают, что именно император Николай Павлович отодвинул падение России в бездну революции почти на сто лет.

Удивительно то, что не только вещий Абель-прорицатель предсказывал великому князю Николаю царский венец. О том же говорится в описании видения схиархимандрита Илиодора. Отцу Илиодору, старцу Глинской пустыни, который ушел из жизни в 1879 году, в видении открылись все главнейшие события российской истории, когда он был еще в сане иеродиакона. Абель пророчествовал о судьбе державы Российской в самом начале царствования императора Павла, а о. Илиодор – в самом конце правления императора, известного нам под именем Александра I. В «Житие схиархимандрита Илиодора» приводится его рассказ о необыкновенном видении: «Стою я в ночное время на каком-то высоком здании. Вокруг меня было много громадных построек, как бывают в больших городах. Надо мною Небесный свод, украшенный ярко горящими звездами, как то бывает в чистую безлунную ночь. Обозревая Небесный свод, я любовался красотой неподвижных звезд. Затем, обратив свой взор на восток, я там увидел выходящий из-за горизонта громадного размера овал; он был составлен из звезд различной величины. На середине овала, в верхней его части, были звезды большого размера, постепенно уменьшаясь, они с боков закругления становились весьма малыми. Посреди овала было изображено большими буквами имя – АЛЕКСАНДР.

Монах Авель.

Неизвестный художник

Овал этот, взойдя на восток, шел тихо, величественно подвигаясь и склоняясь к западу. Смотря на величественную красоту движения овала, я размышлял и говорил себе: какая слав-

ная и великая Православная вера наша, Царь Православный! Вот и имя его так славно и величественно на Небесах...

Проводив глазами звездный овал, пока он скрылся на западе за горизонтом, я опять взглянул на восток и вижу – выходит оттуда второй звездный овал, столь же величественный и во всем подобный первому, а в середине его изображено было уже другое имя большими буквами – НИКОЛАЙ. И внутренний голос вещал мне, что после Александра I будет преемником его Престола Николай. И было то мне в удивление, ибо наследником Престола был не Николай, а Константин Павлович...

Воцарившийся после гибели Павла I император поручил воспитание младших своих братьев и сестры вдовствующей императрице Марии Федоровне. Николай Шильдер писал, что «с 1802 года Николая Павловича начали занимать учением; вместе с тем старались, чтобы он реже видел своих гувернанток и нянюшку, во избежание быстрого перелома в установившемся образе жизни». С 1803 года он уже находился под надзором одних мужчин. Мыслитель русского зарубежья Михаил Валерианович Зызыкин отметил: «Детский период жизни Николая Павловича (1802–1809 гг.) любопытен в том отношении, что в течение этого времени проявились задатки черт характера и наклонностей, составлявших впоследствии отличительные черты императора Николая. Настойчивость, стремление повелевать, сердечная доброта, страсть ко всему военному, особенная любовь к строительному инженерному искусству, дух товарищества, выразившийся в позднейшее время, уже по воцарении, в непоколебимой верности союзам, несмотря на вероломство союзников, – все это сказывалось уже в раннем детстве и, конечно, подчас в самых ничтожных мелочах. Дух товарищества развивался в Николае Павловиче под влиянием совместного воспитания с его младшим братом Михаилом Павловичем. Оба брата нежно любили друг друга. Если находившиеся при них воспитатели выказывали свое недовольство одним из них, то другой сожалел того и играл без всякого удовольствия. Если один был болен, то другой никуда не хотел идти, хотя бы даже и к Императрице Марии Федоровне, где им всегда бывало очень весело.

Однажды, во время своего пребывания у Императрицы, младший провинился в чем-то перед матерью, и когда они вернулись на свою половину, Великий Князь Николай рассказывал дежурному воспитателю, что у него все время были слезы на глазах от страха за брата, который мог рассердить Императрицу своим упрямством, но что, слава Богу, она ему простила. Удивительно, что вопреки стараниям, которые прилагались по воле Императрицы, чтобы предохранить Великого Князя от увлечения военной службой, страсть ко всему военному проявлялась и развивалась в нем, тем не менее, с неодолимой силой; она особенно сказывалась в характере его игр. ...Обыкновенно весьма серьезный, необщительный и задумчивый и очень застенчивый мальчик Николай Павлович точно перерождался во время игр... Игры Великих Князей редко бывали миролюбивыми, почти каждый день они оканчивались ссорой или дракой, несмотря на то, что Николай очень любил своих товарищей по играм, а младшего брата любил страстно. Характерной чертой его детства является постоянное стремление принимать на себя первую роль, представлять императора, начальствовать и командовать... С шестилетнего возраста начались занятия танцами, причем оба Великих Князя чувствовали необычайное отвращение к ним; но потом сильно пристрастились к ним, так что через год танцевали балет, сочиненный Великой Княжной Анной Павловной».

Были, правда, и различия в поведении братьев. К примеру, Николай любил строить, а Михаил – разрушать. И биограф отмечал, что Николай, «заботясь о сохранении своих построек, боялся присутствия младшего».

Строительство всегда как-то сочеталось с военной стороной дела. К примеру, выстраивая из стульев дачу для няни и гувернантки, сооружая что-то из песка, Николай всегда укреплял свои сооружения стенами и пушками. Игрушки были в основном военные. Множество оловянных солдатиков, пушек, ружей, алебард, предметов военной формы одежды. Первый

из проснувшихся бежал обычно будить брата, одевшись в военную форму, и сдавал рапорт. Нельзя не заметить, забегаая вперед, что Николай Павлович всегда оставался до мозга костей военным человеком. Один из современников вспоминал, что во время маневров 1836 года государь был неутомим и целый день находился на коне под дождем, а вечером у бивачного огня, в беседе с молодыми людьми своей свиты или в рядах войск, окружавших его маленькую палатку. А после столь многотрудного дня большую часть ночи проводил за государственными делами, «которых течение никак не замедлялось от этого занятия Государя со своими войсками, составлявшего, по собственному его сознанию, единственное и истинное для него наслаждение».

Автор известных книг по истории Наполеоновских войн генерал-лейтенант Александр Иванович Михайловский-Данилевский так рассказывал о детских годах Николая: «Необыкновенные знания Великого Князя по фрунтовой части нас изумили. Иногда, стоя на поле, он брал в руки ружье и делал ружейные приемы так хорошо, что вряд ли лучший ефрейтор мог с ним сравниться, и показывал также барабанщикам, как им надлежало бить. При всем том Его Высочество говорил, что он в сравнении с Великим Князем Михаилом Павловичем ничего не знает; каков же должен быть сей? – спрашивали мы друг друга».

*Император Николай I на коне.
Художник В.Ф. Тимм*

Не исключено, что, если бы Павлу Петровичу удалось разгромить заговор 11 марта 1801 года, он бы объявил наследником престола именно великого князя Николая. Но, увы, его «барашки» Николай и Михаил были слишком малы, Константин Павлович оставался в неведении, и «слабый и лукавый» наследник престола с помощью самых омерзительных представителей великосветской черни вырвал трон из рук отца.

В печальной памяти 1801 года великому князю исполнилось 5 лет. Он еще вряд ли мог понимать, какая беда нависла над Россией, лишенной слугами темных сил такого замечательного, справедливо названного народным и антидворянским государя Павла Петровича. Сколько бессмысленных войн, сопряженных с гибелью людей, столь драгоценных, ожидало державу в ближайшие годы. Причем войны эти были за чуждые России и русскому народу интересы.

Николай был еще слишком мал, но его уже стали учить наукам, ибо великие князья играли в России весьма важные роли, даже если не становились императорами. Начались занятия с изучения русской азбуки и французского языка, а с 8 лет прибавились занятия и немецким языком. Постепенно подключались все новые и новые предметы, причем с особенным удовольствием Николай занимался рисованием, пристрастился и к математике, об остальных же предметах говорил: «На лекциях наших преподавателей мы или дремали, или рисовали их же карикатуры, а потом к экзаменам выучивали кое-что, в долбежку, без плода и без пользы для будущего».

Воспитатель граф Ламздорф, приставленный к Николаю еще Павлом Петровичем, был очень суров и не скупился даже на палочные наказания. Возможно, именно это обстоятельство повлияло на большие строгости в школах, введенные Николаем Павловичем уже в бытность императором.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна долго противилась военным наукам, боясь, что они разовьют в сыне грубость. Ей казалось, что грубые манеры неизбежно воцарятся в его сердце вместе с военными занятиями. Но судьба Николая не зависела ни от ее желаний, ни даже от желаний царствующего императора, которого Бог не вознаградил сыном. Судьба того, кого мы знаем под именем Александра I, была чрезвычайно сложна и трагична.

Бездетность императора заставляла задуматься над тем, кому придется наследовать российский престол. «С течением времени, – говорит биограф, – императрице Марии Федоровне приходилось убеждаться в невозможности отстранять Великого Князя от занятий военными науками. Этому способствовали обстоятельства того времени, а именно непрерывные войны Наполеона в Европе. Словом, признано было необходимым пригласить специальных профессоров для преподавания военных наук в возможно большей полноте. С 1809 года Великий Князь вступил в отроческий возраст, прежние игры были прекращены, прежний курс, названный бароном Корфом гимназическим, был заменен чем-то вроде университетского. По первоначальному плану Императрицы занятия Великого Князя должны были продолжаться до 17-летнего возраста, то есть до 1813 года, ибо Мария Федоровна желала продержать Великого Князя за книгами возможно дольше, чтобы заглушить в нем задатки, которые не могли ей нравиться в нем».

Но ведь сама международная обстановка заставляла размышлять над тем, что происходило на полях бесчисленных сражений. Россия в начале XIX века воевала почти непрерывно. В 1805 году началась Русско-австро-французская война, знаменитая Аустерлицким сражением. В 1806–1807 годах снова произошло столкновение с наполеоновской Францией. Теперь уже Русско-прусско-французская война, знаменитая сражениями при Прейсиш-Эйлау и Фридландом. В 1808–1809 годах гремела Русско-шведская война, в которой Россия в союзе с Данией выступала против Швеции и Англии. Профессор Зызыкин указал: «Беспрерывные войны, завершившиеся, наконец, 1812 годом, были сильнее всяких рассуждений и умозрительных заключений и способствовали страсти Николая Павловича ко всему военному; ему исполнилось 16 лет – он рвался на войну и встретил отказ со стороны Императрицы Матери. Когда он пожаловался Императрице Марии Федоровне на свое бездействие, в то время когда Отечество в опасности, он получил ответ: “Вас берегут для других случайностей!”»

Тогда он обратился с письмом к императору Александру, умоляя его о разрешении отправиться к армии: император Александр призвал его к себе и старался утешить его, сказав ему

с грустным и серьезным видом, что время, когда ему придется стать на первую ступень, быть может, наступит раньше, чем можно предвидеть его. “Пока же Вам предстоит выполнять другие обязанности; довершите Ваше воспитание; сделайте насколько возможно достойным того положения, которое займете со временем. Это будет такую службою нашему дорогому Отечеству, которую должен нести Наследник Престола”». Эти загадочные слова государя, по-видимому, произвели сильное впечатление на юного великого князя, так как с этого времени в его характере начал подготавливаться какой-то перелом; на него стали находить моменты задумчивости, сосредоточенности, он становился более серьезным в своих речах и поступках... Существуют другие, более положительные данные, по которым видно, что мысль о назначении Николая Павловича наследником престола и у императрицы Марии Федоровны существовала значительно раньше 1812 года. Именно доверенный секретарь императрицы-матери, Григорий Иванович Вильямов, записал в своем дневнике следующие слова Марии Федоровны, сказанные ему 16 марта 1807 года: «Она видит, что Престол со временем все-таки перейдет к Великому Князю Николаю и поэтому его воспитание особенно близко ее сердцу».

Рассуждая о личности государя императора Николая I, иные историки пользуются традиционными источниками. Ну а источники эти уже известны своею тенденциозностью. Орден русской интеллигенции повелел историкам считать Николая I, во-первых, «чудовищем с оловянными глазами», во-вторых, «Палкиным». Так и считают. А точнее, сами-то, может быть, так и не считают, но пытаются убедить в этой лжи читателей, ведь история сама по себе, по словам Льва Толстого, и есть «ложь, о которой договорились историки».

Мнение же добросовестных исследователей и писателей отмечается начисто, как, к примеру, мнение выдающегося православного мыслителя, профессора государственного и канонического права Михаила Валерьяновича Зызыкина (1880–1960), отрывки из трудов которого я уже цитировал. А ведь этот замечательный ученый и мыслитель в книгах, посвященных спорным историческим фигурам, развеял многие мифы и поставил все на свои места. Профессор Зызыкин собрал огромное количество свидетельств современников Николая Павловича и его биографов русских царей. Так, биограф великого князя Николая Павловича Поль Лакруа вспоминал: «Будучи только десяти лет, Николай не только знал наизусть военную историю России, но объяснял ее и истолковывал с таким ясным взглядом, который был выше лет его». В физических же упражнениях он отличался «быстротой и ловкостью движений, как и грациозною своею походкою».

А вот словесный портрет 18-летнего Николая Павловича, составленный лейб-медиком Бельгийского двора короля Леопольда Стокмаром: «Этот молодой человек чрезвычайно красивой наружности, в высшей степени привлекательный, выше Леопольда ростом, совсем не сухощав, но прям и строен, как молодая сосна. Черты лица его необыкновенно правильные: прекрасный открытый лоб, брови дугою, маленький рот, изящно обрисованный подбородок – все в нем красиво. Характера очень живого, без малейшего принуждения или сдержанности, при замечательном изяществе манер. Он говорит по-французски много и хорошо, сопровождая слова свои грациозными жестами. В нем проглядывает большая самонадеянность при совершенном отсутствии притязательности. Говорить он умеет всегда приятно, и у него особая способность быть любезным с дамами. Когда он хочет придать своим словам особую выразительность, он несколько приподнимает кверху плечи и взгляды вверх с некоторой аффектацией. Кушает он очень умеренно для своих лет и ничего не пьет, кроме воды. После обеда, когда графиня Ливен (супруга русского посла) села за фортепьяно, он поцеловал у нее руку. Нашим английским дамам это показалось очень странно, хотя, конечно, всякая женщина желала бы себе того же. “Что за милое создание! – воскликнула леди Кембель, строгая и чопорная гофмейстерина. – Он будет красивейший мужчина в Европе!” Он пробыл день, и на другое утро Русские от нас уехали. Мне сказывали, что когда пришло время спать, люди Великого

Князя принесли ему вместо постели и положили на кровать мешок, набитый сеном; уверяют, что у него никогда не бывает другой постели».

Это же подтвердила в своих мемуарах дочь императора Николая Павловича великая княжна Ольга Николаевна в своих воспоминаниях «Сон юности»:

«Он (император Николай I. – *Н.Ш.*) любил спартанскую жизнь, спал па походной постели с тюфяком из соломы, не знал ни халатов, ни ночных туфель и по-настоящему ел только раз в день, запивая водой. Чай ему подавался в то время, как он одевался, когда же он приходил к Мамá, то ему подавали чашку кофе с молоком. Вечером, когда все ужинали, он опять пил чай и иногда съедал соленый огурец. Он не был игроком, не курил, не пил, не любил даже охоты; его единственной страстью была военная служба. Во время маневров он мог беспрерывно оставаться восемь часов подряд в седле без того, чтобы хоть закусить чем-нибудь. В тот же день вечером он появлялся свежим на балу, в то время как его свита валилась от усталости».

Известна поговорка: в здоровом теле – здоровый дух. Думается, что и в красивом теле все должно быть красиво. Не зря же Всемогуший Бог наградил незаурядной внешностью будущего императора России, которому пришлось взойти на престол едва ли не в самые тяжелые времена. К этому священному служению Николая Павловича готовили с детских лет, словно бы знали, что именно ему, а не старшему брату Константину суждено сменить на державном посту императора, нареченного Благословенным.

Великая княжна писала об отце:

«Его любимой одеждой был военный мундир без эполетов, протертый на локтях от работы за письменным столом. Когда по вечерам он приходил к Мамá, он кутался в старую военную шинель, которая была на нем еще в Варшаве и которой он до конца своих дней покрывал ноги. При этом он был щепетильно чистоплотен и менял белье всякий раз, как переодевался. Единственная роскошь, которую он себе позволял, были шелковые носки, к которым он привык с детства. Он любил двигаться, и его энергия никогда не ослабевала. Ежедневно во время своей прогулки он навещал какое-нибудь учреждение, госпиталь, гимназию или кадетский корпус, где он часто присутствовал на уроках, чтобы познакомиться с учителями и воспитателями. Кроме докладов министров и военных чинов, он принимал также и губернаторов, умея так поставить вопрос, что всегда узнавал правду. Он не выносил туеядцев и лентяев. Всякие сплетни и скандалы вызывали в нем отвращение. Когда он узнавал, что какой-нибудь сановник злоупотребил его доверием, у него разливалась желчь и ему приходилось лежать. Подобным образом действовали на него неудачные смотры или парады, когда ему приходилось разносить (делать выговоры перед строем). То, что казалось в нем суровым или строгим, было заложено в характере его безупречной личности, по существу, очень несложной и добродушной».

Но каково же отношение к прекрасному полу? Ведь при дворе было столько соблазнов, которыми широко пользовались и сам император Павел Петрович в бытность свою совсем еще юным наследником престола, и император, которого мы знаем под именем Александра I, да и – уже позднее – многие великие князья, в числе которых и будущие сыновья самого Николая Павловича.

А вот сам он еще в юности не раз высказывал несколько иные суждения о супружестве и семейной жизни. Во время путешествия по Европе он в Париже познакомился с герцогом Орлеанским, который, о чем все в ту пору знали, был безмерно счастлив в браке и не скрывал этого.

Великий князь Николай сказал герцогу:

– Какое это, наверное, счастье жить так, семьей?!

– Это единственное истинное и прочное счастье, – подтвердил тот.

По пути в Россию, в Берлине, Николая представили его будущей супруге, избранной для него императором. 23 октября 1815 года состоялась помолвка великого князя с прусской принцессой Шарлоттой-Фридерикой-Луизой-Вильгельминой. Генерал-адъютант Коновницын мог успокоить императрицу следующими строками: «Их императорские Высочества Великие Князья, благодаря Бога, находятся в вожделенном здравии: их поведение весьма согласуется с волею Вашей; господа кавалеры со свойственным им усердием бывают при их Высочествах неотлучны; о чем считаю долгом моим пред Вашим Величеством засвидетельствовать о неусыпности и попечении их. Их Высочества каждый день изволят кушать у Государя; один раз были с ним в театре и во всех церемониальных выходах бывают при нем; в свободное время их Высочества обозревают здесь все заведения, достойные примечания. Третьего дня изволили осматривать укрепленные здесь окрестности с военными замечаниями».

У профессора Зызыкина мы находим и подробнейшее описание европейского путешествия великих князей: «...Из Англии он (Николай Павлович. – *Ред.*) отправился в Мобеж, Брюссель, для свидания с Великой Княгиней Анной Павловной, затем в Штутгарт к Великой Княгине Екатерине Павловне, где говел и приобщился Св. Тайн. Затем он был в Берлине на свидании со своей невестой Принцессой Шарлоттой. Потом он поспешил в Петербург, чтобы встретить свою невесту».

23 октября 1815 года состоялась помолвка великого князя с прусской принцессой Шарлоттой-Фридерикой-Луизой-Вильгельминой. Ее шел 18 год – родилась 13 июля 1798 года в семье прусского короля Фридриха Вильгельма III и его супруги, королевы Луизы. У нее были два старших брата, один из которых, Фридрих Вильгельм IV, в будущем стал прусским королем, Вильгельм I – первым германским императором.

В биографии ее отмечено: «Прусская королева Луиза вошла в историю как бесстрашная патриотка, как добрый ангел, не побоявшийся всемогущего Наполеона и заступившийся за униженную Родину. Почитание Луизы в XIX веке не знало границ, и в любом месте, хоть как-то связанном с ее именем, появлялись мемориальные доски и памятники, в ее честь называли улицы, мосты, учреждения и церкви. Наряду с Берлином, Кенигсбергом (Калининградом), Тильзитом (Советском) и Мемелем (Клайпедой) Рига тоже могла бы быть отмечена памятной доской Луизе Прусской».

Генрих Гейне: «Наполеон дунул на Пруссию, и Пруссии не стало».

Но отважная королева не только разделила с супругом своим все тяготы поражения Пруссии и ссылки в Кенигсберг (ныне Калининград), а затем в Мемеле. Она встретила в Тильзите с «чудовищем» Наполеоном и просила пощадить пораженную Пруссию. «Увы, ее миссия не удалась, – отмечено в биографии, – корсиканец был предельно галантен с молодой королевой, но державу Фридриха Вильгельма III это не спасло. После заключения Тильзитского мира страна лишилась половины своей территории, а королевской чете было запрещено возвращаться в занятый французскими войсками Берлин».

И только Россия спасла Пруссию, освободив ее в 1813 году.

История сохранила удивительный эпизод. После окончания Наполеоновских войн Фридрих Вильгельм III побывал в России и привез своих сыновей в Москву. Они поднялись на самое высокое место – кажется, более или менее сохранился знаменитый Пашков дом. И Фридрих сказал сыновьям: смотрите, вот наша спасительница, поклонитесь ей в пояс.

Король Прусский Фридрих Вильгельм III с сыновьями благодарит Москву за спасение его государства.

Художник Н.С. Матвеев

26 июня 1817 года последовал торжественный въезд Принцессы Шарлотты в Петербург. Все смотрели на нее с нежнейшим участием, вспоминая добродушие, красоту и несчастье ее матери, королевы Луизы, связанные с изгнанием во время наполеоновского нашествия.

Принцесса прибыла в Россию, приняла православие с именем Александры Федоровны, и вскоре состоялось венчание с великим князем Николаем Павловичем в церкви Зимнего дворца.

Известный биограф императора Н. Шильдер отметил: «1 июля, в день рождения великой княжны Александры Федоровны, был совершен обряд бракосочетания. “Я чувствовала себя очень, очень счастливой, когда наши руки соединились; с полным доверием отдавала я свою жизнь в руки моего Николая, и он никогда не обманул этой надежды”, – писала Александра Федоровна, вспоминая день 1 июля 1817 года».

Николаю Павловичу исполнился 21 год, Александре Федоровне – 19.

Перед венчанием Александра Федоровна с тревогой написала матери:

«Я много плакала при мысли, что мне придется встретиться с вдовствующей государыней, рассказы о которой меня напугали».

Впрочем, опасения были напрасны.

А вскоре она сделала такую запись в своем дневнике:

«В 11 часов утра (17 апреля 1818 года. – *Н.Ш.*) я услышала первый крик моего первого ребенка. Нике целовал меня... не зная еще, даровал нам Бог сына или дочь, когда матушка, подойдя к нам, сказала: “Это сын”. Счастье наше удвоилось, однако я помню, что почувствовала что-то внушительное и грустное при мысли, что это маленькое существо будет со временем императором».

*Портрет великой княгини Александры Федоровны.
Художник А. Молинари*

Почувствовала, а ведь это еще не было известно. Ведь наследником престола все еще был Константин Павлович.

Дочь поэта Федора Ивановича Тютчева Анна Федоровна, фрейлина цесаревны Марии Александровны, в своих воспоминаниях писала об императрице: «Император Николай I питал к своей жене, этому хрупкому, безответственному и изящному созданию, страстное и деспотическое обожание сильной натуры к существу слабому, единственным властителем и законодателем которого он себя чувствует. Для него эта была прелестная птичка, которую он держал взаперти в золотой и украшенной драгоценными камнями клетке, которую он кормил нектаром и амброзией, убаюкивал мелодиями и ароматами, но крылья которой он без сожаления обрезал бы, если бы она захотела вырваться из золоченых решеток своей клетки».

Г.И. Чулков в своей книге о Николае Павловиче отметил: «Среди серых будней единственным утешением и радостью для великого князя был “аничковский рай”, как Николай

Павлович называл первые годы семейной жизни, проводимые во время пребывания его в столице в Аничковом дворце».

Что касается великого князя Николая Павловича, то, как замечал историк Вигель: «Русские люди еще мало знали его; едва вышел из отрочества, два года провел он в походах за границей, в третьем – проскакал он всю Европу и Россию, и, воротясь, начал командовать Измайловским полком. Он был необщителен и холоден, весь преданный чувству долга своего; в правильных чертах его бледного белого лица была видна какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Тучи, которые в первой молодости облекли чело его, были как будто преддверием всех напастей, которые посетят Россию во дни его правления. Не при нем они накопились, не он навлек их на Россию, но природа и люди при нем ополчились. Ужасные преступные страсти должны были потрясти мир, и гнев Божий справедливо будет карать их. Увы! Буря зашумела в то самое мгновение, и борьбою с нею он должен был начать свое царственное плавание. Никто не знал, никто не думал о его предназначении, но многие в неблагоприятных взорах его, как на неясно написанных страницах, как будто уже читали историю будущих зол. Сие чувство не могло привлекать к нему сердец. Скажем всю правду – он совсем не был любим, и даже в этот день ликования Царской Семьи я почувствовал непонятное мне самому уныние».

Вот здесь к месту вспомнить строки из завещания Иоанна Грозного своим сыновьям!.. Да, государь обязан управлять даже тогда, когда подданные отвечают злом на добро и ненавистью платят за любовь...

Итак, на свет появился тот, кому суждено было стать императором Александром II, нареченным Освободителем за то, что именно при нем, его указом было отменено на Руси крепостное право, учрежденное возведенным в ранг великого Петром I.

Он родился как великий князь, хотя и тот, кто был на государевом посту, и вдовствующая императрица Мария Федоровна, и в ту пору наследник престола цесаревич Константин Павлович уже знали, что ждет появившегося на свет младенца. Они знали, но еще не знали о том родители Александра Николаевича, не знали, что ему суждено уже в скором времени стать цесаревичем, а когда настанет час – императором.

О своей судьбе и судьбе сына великий князь Николай Павлович и его супруга великая княгиня Александра Федоровна узнали год спустя. А случилось это при обстоятельствах, о которых поведал в своих записках сам Николай Павлович:

«В лето 1819-го находился я в свою очередь с командуемою мной 2-й гвардейской бригадой в лагере под Красным Селом. Перед выступлением из одного было в моей бригаде линейное ученье, кончившееся малым маневром в присутствии императора. Государь был доволен и милостив до крайности. После ученья пожаловал он к жене моей обедать; за столом мы были только трое. Разговор во время обеда был самый дружеский, но принял вдруг самый неожиданный для нас оборот, потрясший навсегда мечту нашей спокойной будущности. Вот в коротких словах смысл сего достопамятного разговора.

Государь начал говорить, что он с радостью видит наше семейное блаженство (тогда был у нас один старший сын Александр, и жена моя была беременна старшей дочерью Мариєю); что он счастья сего никогда не знал, вина себя в связи, которую имел в молодости; что ни он, ни брат Константин Павлович не были воспитаны так, чтоб уметь ценить с молодости сие счастье; что последствия для обоих были, что ни один, ни другой не имели детей, которых бы признать могли, и что сие чувство для него самое тяжелое. Что он чувствует, что силы его ослабевают; что в нашем веке государям, кроме других качеств, нужна физическая сила и здоровье для перенесения больших и постоянных трудов; что скоро он лишится потребных сил, чтоб по совести исполнять свой долг, как он его разумеет; и что потому он решился, ибо сие считает долгом, отречься от правления с той минуты, когда почувствует сему время. Что неоднократно говорил о том Брату Константину Павловичу, который, быв одних с ним почти лет, в тех же

семейных обстоятельствах, притом имея природное отвращение к сему месту, решительно не хочет ему наследовать на Престоле, тем более что они оба видят в нас знак благодати Божией, дарованного нам сына. Что поэтому мы должны знать наперед, что мы призываемся на сие достоинство.

Мы были поражены как громом. В слезах, в рыдании от сей ужасной неожиданной вести мы молчали! Наконец Государь, видя, какое глубокое, терзающее впечатление слова его произвели, сжалился над нами и с ангельскою, ему одному свойственною ласкою начал нас успокаивать и утешать, начав с того, что минута сему ужасному для нас перевороту еще не настала и не так скоро настанет, что может быть лет десять еще до оной, но что мы должны заблаговременно только привыкать к сей будущности неизбежной.

Тут я осмелился ему сказать, что я себя никогда на это не готовил и не чувствую в себе сил, ни духу на столь великое дело; что одна мысль, одно желание было – служить ему изо всей души, и сил, и разума моего в кругу поручаемых мне должностей; что мысли мои даже дальше не достигают...

Кончился разговор; Государь уехал, но мы с женой остались в положении, которое уподобить могу только тому ощущению, которое, полагаю, поразит человека, идущего спокойно по приятной дороге, усеянной цветами, и с которой всюду открываются приятнейшие виды, когда вдруг разверзается под ногами пропасть, в которую непреодолимая сила ввергает его, не давая отступить или воротиться. Вот – совершенное изображение нашего ужасного положения».

Здесь, казалось бы, очень много загадок. Почему император Александр I, который, как принято считать, любил покрасоваться на парадах и войнах, любил военный мундир, любил почет и славу, вдруг решил сам отказаться от всего этого, дорогого ему, и, уйдя от дел, обратиться в старца Феодора Козьмича? Разгадку предложил выдающийся ученый, талантливый дешифровщик древних текстов Геннадий Станиславович Гриневич. А точнее, не он дал нам разгадку, а сам Феодор Козьмич, тайнописи которого расшифровал Гриневич. У того, кого мы знаем под именем императора Александра, другого выхода просто не было.

Поначалу особых изменений в жизни семьи Николая Павловича не произошло.

Подрастал великий князь Александр Николаевич. И далеко не все еще знали, что пройдет немного времени и он станет наследником престола. Между тем Николай Павлович уже смотрел на сына как на цесаревича. И все же детство оставалось детством.

Николай Павлович любил наблюдать за играми своего сына с его юными друзьями. Однажды в день своих именин Александр показал друзьям подарки, присланные его дедом из Берлина, – это были оловянные солдатики. Стали играть, да так азартно, что император Николай Павлович, наблюдавший за игрой, присоединился к ним. И настолько непосредственно и искренне включился в игру, что вельможи, сопровождавшие его, застыли в изумлении.

Но мы коснемся размышлений М.В. Зызыкина о личности императора Николая I. Мы уже познакомились с тем, что рассказал о детстве будущего поистине великого государя России его знаменитый биограф Н.Д. Шильдер. Исследования Зызыкина значительно дополняют и расширяют это повествование: «Он не знал раздвоения личности, он не имел друзей в виде республиканца флорентинца Пиаттоли, просидевшего 8 лет в тюрьме у Габсбургов, или польского масона Чарторыжского, – писал о Николае Павловиче профессор Зызыкин: – Николая воспитывала его мать, Мария Федоровна, женщина достойнейшая... Заметим, что воспитывала она будущего Государя в Державном стиле. Поэтому неудивительно, что Шторх, преподаватель Великого Князя, в записке, поданной в 1810 году Императрице Марии Федоровне о необходимости начать Николаю Павловичу курс, обнимающий собою все политические науки, в их общей связи и взаимодействии, говорит о Великом Князе, как о лице, которое когда-то будет нами управлять».

Да, Николай Павлович в детстве очень любил играть и в оловянных солдатиков, и в другие военные игры.

Но настал час, когда ему выпала доля начать свое царствование не с игр в солдатики, а с принятия важнейших, судьбоносных для страны решений, настал час, когда ему довелось встать на защиту России и русской государственности.

«14-го числа я буду государь или мертв!...»

Цесаревичу шел восьмой год, когда его воспитателем, как уже упоминалось, был назначен Василий Андреевич Жуковский. Это случилось в 1825 году, ознаменовано бунтом на Сенатской площади. По этому поводу Василий Андреевич писал своей племяннице Авдотье Елагинной в декабре 1825 года:

«Милая Дуняша, у нас все спокойно теперь. Но мы видели день ужасный, о котором вспомнить без содрогания невозможно. Но это – дело Промысла... Он показал России, что на троне ее – Государь с сильным духом... Теперь будущее исполнено надеждой...»

События 14 декабря 1825 года, события, которые с особой остротой отложились в памяти не только у него, но и его воспитанника Александра, в те дни превратившегося в наследника престола.

На всю жизнь осталось у цесаревича Александра, тогда еще семилетнего мальчишки, тягостное воспоминание о страшном дне 14 декабря 1825 года. Конечно, тогда ему не говорили всю правду о том, что произошло, и не рассказывали о той смертельной опасности, которая нависла над всей его семьей, над отцом, долженствовавшим вступить на престол, над матерью, над сестрами – шестилетней Марией, трехлетней Ольгой и полугодовалой Александрой. Всех их декабристы приговорили к казни через повешение, причем циничный Пестель предлагал ради «экономии» повесить их на «экономической виселице», чертежи которой сохранились. Рационализация Пестеля заключалась в следующем. На высокой мачте корабля он предлагал повесить императора, затем к его ногам привязать веревки, на которых повесить императрицу и наследника престола, а уже привязав к их ногам, повесить шестилетнюю Марию, трехлетнюю Ольгу и полугодовалую Александру. Этот жестокий циник и лицемер, увидев виселицу, для него предназначенную, воскликнул: «Ужели мы не заслужили лучшей смерти?.. Можно бы было нас и расстрелять». А семью императора предлагал повесить!

Конечно, цесаревича не посвящали во все нюансы дела, развернувшегося 14 декабря, ни в тот день, ни в ближайшие месяцы. Он узнал всю правду значительно позже, когда вырос и смог правильно оценивать события. А в тот день он вместе с матерью и сестрами находился во дворце под охраной преданных императору и престолу людей. Не знал цесаревич и о том, что заступивший на престол русских царей его отец Николай Павлович в то утро сказал его матери, супруге своей, Александре Федоровне:

– Мы не знаем, что нас ждет. Обещай быть мужественной и умереть с честью, если придется умирать.

Великая княжна Ольга Николаевна впоследствии писала в своих воспоминаниях «Сон юности»:

«14 декабря мы покинули Аничков дворец, чтобы переехать в Зимний, входы которого можно было лучше защищать в случае опасности. Я вспоминаю, что в тот день мы остались без еды, вспоминаю озадаченные лица людей, празднично одетых, наполнявших коридоры, Бабушку с сильно покрасневшими щеками. Для нас устроили наспех ночлег: Мэри и мне у Мама на стульях. Ночью Папа на мгновение вошел к нам, заключил Мама в свои объятия и разговаривал с ней взволнованным и хриплым голосом. Он был необычайно бледен. Вокруг меня шептали: “Пришел император, достойный трона”. Я чувствовала, что произошло что-то значительное, и с почтением смотрела на отца».

В замысле по ликвидации самодержавия участвовали многие царедворцы. Сразу и не распознать, кто есть кто. И чехарда с присягой сначала Константину, а затем Николаю была хитроумно затеяна заговорщиками. Ведь официальное сообщение о смерти императора Александра I пришло в Петербург 27 ноября 1825 года. Все считали наследником престола цесаревича Константина Павловича. И лишь очень узкому кругу людей было известно, что тот еще

два года назад отрекся от права на престолонаследие. В августе 1823 года император утвердил манифест, по которому в случае его смерти трон по старшинству переходил к его брату Николаю Павловичу. Однако манифест оглашен не был, надо думать, совершенно не случайно. Создавалась критическая ситуация.

Николай Павлович узнал о манифесте от матери, но генерал-губернатор Петербурга Михаил Андреевич Милорадович посоветовал во избежание династического кризиса быстро провести присягу Константину, поскольку в столице началось брожение, которое могло вырасти в беспорядки. Тогда великий князь Николай Павлович первым присягнул новому императору, а вслед за ним это сделали войска, правительственные учреждения и население города. Однако из Варшавы пришло сообщение, что Константин ехать в столицу не собирается и подтверждает свой отказ от престола. Необходимо было вновь проводить присягу теперь уже Николаю Павловичу.

Между тем в тайных обществах уже был взят курс на вооруженное выступление против самодержавной власти в России, а стало быть, и против самой России, которую заговорщики решили пустить с молотка по указке своих европейских хозяев. Восстание намечалось на лето 1826 года, но известие о смерти императора изменило планы. Заговорщики сочли удобным воспользоваться складывавшейся обстановкой. Поначалу планы были не столь радикальными. Предполагалось, используя смену власти, захватить побольше командных должностей в гвардейских полках. Но, когда стало известно о повторной присяге, заговорщики решили действовать немедленно с более решительными целями. Присяга была назначена на 13 и 14 декабря. Причем во второй день, 14 числа, присягали Сенат и высшие правительственные учреждения.

Вооруженное восстание заговорщики наметили на 14 декабря. Предполагалось вывести войска на Сенатскую площадь и принудить императора Николая Павловича, еще не успевшего укрепиться во власти, к введению конституционного правления, отмене крепостного права, ликвидации военных поселений. Разумеется, это были в основном общие слова, поскольку в недрах заговора вынашивались планы гораздо более жестокие – вплоть до физического устранения не только государя, но и всех членов Царствующего дома Романовых. Несколько затруднило исполнение планов то, что собрать достаточно сил заговорщики так и не смогли. На площадь вышли всего 3 тысячи солдат и 30 офицеров. Это стало отчасти результатом разногласий при дележе власти, которые возникли накануне, отчасти результатом того, что далеко не все верили выдумкам заговорщиков будто бы надо выступить в защиту Константина Павловича, у которого Николай Павлович отнимает трон. Главари намечали убить императора, но никто не соглашался стрелять в него. В большинстве своем, как и во всякой безбожной шайке, в руководстве мятежников были трусы, которые стремились к власти, но хотели загребать жар чужими руками. Постыдные продажность и трусость впоследствии проявились в ходе следствия по делу о мятеже.

Некоторых руководителей мужество покинуло уже утром 14 декабря, до начала восстания. Князь Трубецкой, намеченный в диктаторы, побродив близ Сенатской площади, отправился присягать Николаю Павловичу. Не решились выйти на площадь и Рылеев с Якубовичем.

Но опасность была слишком велика, ведь часть офицеров и солдат были просто-напросто обмануты. Так, солдатам, которые мало разбирались в политике и в терминологии, объявили, что они идут спасать супругу Константина по имени Конституция и что Николай Павлович власть захватил самовольно. Были среди руководителей восстания и люди достаточно решительные, готовые идти до конца, были и такие, которые не могли свернуть с намеченного пути, повинувшись темным силам, тайными слугами которых они были.

День 14 декабря 1825 года, тяжелый для России день, день несчастья, как охарактеризовал его сам Николай Павлович, стал для него, едва ступившего на престол, поистине звездным часом. Еще за два дня до мятежа, 12 декабря 1825 года, получив сведения о готовящемся выступлении великосветской черни против самодержавия, Николай Павлович написал князю

П.Н. Волконскому в Таганрог: «14-го числа я буду государь или мертв. Что во мне происходит, описать нельзя».

Утром 14 декабря 1825 года Николай Павлович обратился к командирам преданных ему частей с короткой, пламенной речью:

– Вы знаете, господа, что я не искал короны. Я не находил у себя ни опыта, ни необходимых талантов, чтоб нести столь тяжелое бремя. Но раз Бог мне ее вручил, то сумею ее защитить, и ничто на свете не сможет у меня ее вырвать. Я знаю свои обязанности и сумею их выполнить. Русский император в случае несчастья должен умереть со шпагой в руке... Но, во всяком случае, не предвидя, каким способом мы выйдем из этого кризиса, я вам, господа, поручаю своего сына Александра. Что же касается до меня, то доведется ли мне быть императором хотя бы один день, в течение одного часа я докажу, что достоин быть императором!

Некто Кюстин, состряпавший впоследствии о Николае I пасквильную книгу, и тот вынужден был признать величие молодого государя в тот критический день 14 декабря. Он писал: «Очевидцы видели, как Николай духовно рос перед ними... Он был настолько спокоен, что ни разу не поднял своего коня в галоп. Он был очень бледен, но ни один мускул не дрогнул у него на лице. А смерть ходила около него. Заговорщики указали его, как свою первую жертву».

Николай Павлович был постоянно в самых опасных местах. Он до последней возможности пытался избежать кровопролития. Лишь упорство самих декабристов и, конечно, предательский выстрел подонка Каховского в славного героя Отечественной войны 1812 года генерала Михаила Андреевича Милорадовича заставили отдать приказ на открытие огня.

*Восстание декабристов.
Художник В.Г. Перов*

Пушкин справедливо отметил, что «мятеж декабристов обличил историческую несостоятельность идеалов, насильственно переносимых на Русскую почву; фальшивые призраки будущего переустройства России на европейский фасон, которыми тешилось незрелое, порвавшее с народными преданиями Русское общество, были разбиты».

На протяжении всего действия государь был постоянно на линии огня, несмотря на то что положение его действительно было крайне опасным. Ведь к нему были посланы убийцы. К примеру, Якубович, вооруженный пистолетом, попросил Николая Павловича отъехать в сторону и нагнуться к нему, но вместо того, чтобы выстрелить, для чего он и отзывал в сторону, пролепетал жалобно:

– Я был с ними, но пришел к вам, – и поспешил принести присягу императору.

Николай воскликнул:

– Так идите к мятежникам и уговорите их прекратить бесполезное выступление.

Якубович пошел, но совершил новую подлость. Он заявил восставшим, ободряя их и призывая тем самым к продолжению бунта:

– Держитесь, там все вас сильно боятся, – и, произнеся эту предательскую и лживую фразу, поспешил скрыться, чтобы не быть среди тех, кто должен был вот-вот оказаться под огнем.

Помощник планируемого диктатора Трубецкого, некто Булатов, вслед за Якубовичем подходил к Николаю Павловичу, бродил рядом, как вспоминал потом, «мучительно, бессильно порывался убить его», но мужества «дворянским революционерам» явно не хватало.

Известно, кстати, что, когда накануне тянули жребий стрелять в императора и это выпало Каховскому, тот наотрез отказался, пояснив, что не хочет рисковать жизнью ради того, чтобы все лавры от этого выстрела достались Бестужевым. Каховского прогнали. Но он сам явился 14 декабря на Сенатскую площадь, правда, в гражданской одежде и без оружия, чтобы, видимо, оценить обстановку и окончательно решить, быть ли с восставшими.

Каховского неоднократно изгоняли из армии за трусость, низость и дурные наклонности, но он каким-то чудом вновь и вновь восстанавливался в службе. Вот и в то утро с легкостью снял военный мундир, хотя как раз числился в офицерах. Когда же Николай Павлович направил к войскам генерал-губернатора Санкт-Петербурга генерала от инфантерии Михаила Андреевича Милорадовича, которого все называли «храбрейшим из храбрых», а истинные воины, защитники Отечества, любили и уважали, Каховский пошел на преступление. В толпе мятежников мало было истинных воинов, в основном ее составлял светский сброд, для которого воинская служба казалась престижным времяпрепровождением, а военная форма – предметом для обольщения дам. Тем не менее по рядам солдат пошел шум, когда перед строем появился прославленный генерал – герой Отечественной войны 1812 года, ведь среди старших возрастов было немало участников битв с Наполеоном. И тогда Каховский подбежал к Бестужеву, выхватил у него из-за пояса пистолет, незаметно, со спины, приблизился к Милорадовичу, ударил ножом его коня, а когда граф обернулся, чтобы узнать, в чем дело, выстрелил в упор, смертельно ранив. Командир лейб-гвардии Гренадерского полка генерал Штюллер, увидев это, смело подскакал, чтобы поймать падавшего с коня Милорадовича, но Каховский упредил смертельным выстрелом. Один из современников с горечью писал: «Милорадович и Каховский! Даже неудобно сравнивать эти два имени. Один – прославленный патриот и мужественный воин, второй – фантазер и государственный преступник, кончивший жизнь на виселице».

Когда несколько позже великий князь Михаил Павлович тоже попытался убедить мятежников сложить оружие, его попытался убить Кюхельбекер. Он уже прицелился в великого князя, но тут не выдержали нижние чины. Три матроса одновременно бросились к Кюхельбекеру и выбили у него из рук пистолет.

Государя окружали мужественные, отважные русские витязи, и пусть некоторые из них были нерусской крови, они оставались русскими в душе, сражаясь за Россию до последней капли крови.

Николай I, поразивший всех своими мужеством и отвагой, писал великому князю Михаилу Павловичу: «Революция у ворот империи, но я клянусь, что она в нее не проникнет, пока я жив и пока я Государь милостью Божьей!»

Оценивая мятеж декабристов, он заявлял: «Это не военный бунт, но широкий заговор, который хотел подлыми действиями достигнуть бессмысленных целей. Меня могут убить. Каждый день меня пугают анонимными письмами, но никто меня не запугает».

«...До самой женитьбы своей не знал женщин»

В 1838 году, когда цесаревич, сопровождаемый своим воспитателем Жуковским, мчался в Москву, это событие осталось уже далеко позади и, казалось, в стране наступило некоторое успокоение. Однако загнанные императором Николаем I в подполье тайные общества вершили свое дело, подтачивая устои самодержавия.

Но любые, даже самые острые повороты истории не в состоянии полностью заставить предать забвению чувства человеческие.

Игорь Зимин, говоря о воспитании наследника престола, отметил:

«Очень сильное влияние на воспитание цесаревича Александра Николаевича, на формирование его характера оказал отец император Николай I. Железный характер этого человека, его чувство долга, его представление о справедливости во многом были усвоены Александром II. Иногда, решая свои педагогические задачи, Николай Павлович прибегал к весьма оригинальным приемам. По воспоминаниям врача Калининской больницы Реймера, в 1835 г. Николай Павлович обратился к нему при обходе: “Я пришлю сюда своего сына, и ты покажи ему самые ужасные примеры сифилитической болезни на мужчинах и женщинах. Когда я был молод и еще не женат, мой доктор Крейтон тоже водил меня по военному госпиталю, больные, которых я увидел, произвели во мне такой ужас, что я до самой женитьбы своей не знал женщин”. Цесаревичу в 1835 г. исполнилось 17 лет, и отец счел необходимым познакомить сына и с неприглядной изнанкой “любви”».

Император Николай I не напрасно беспокоился. Сыновья выдались любвеобильными сверх всякой меры.

Ну а каков был сам император? На этот вопрос в своих воспоминаниях ответила великая княжна Ольга Николаевна:

«Мой отец был, по словам одного французского маршала, “le physique du métier” (*фр.* образец военной выправки). Его большой рост, его строгий профиль вырисовывались резко на светлой синеве неба. Движения, походка, низкий голос – все в нем было созвучно: спокойно, просто, властно. Надо было видеть наших родителей, будь то в торжественных случаях, в парадных нарядах, или рука об руку гуляющими под деревьями нашего Летнего дворца, чтобы понять, как мы гордились ими и с нами весь русский народ».

Император Николай I был человеком нелицемерно верующим, подлинно православным государем. Ольга Николаевна отметила:

«Для Папа (здесь и далее ударение на втором слоге. – *Н.Ш.*) было делом привычки и воспитания никогда не пропускать воскресного богослужения, и он, с открытым молитвенником в руках, стоял позади певчих. Но Евангелие он читал по-французски и серьезно считал, что церковнославянский язык доступен только духовенству. При этом он был убежденным христианином и глубоко верующим человеком, что так часто встречается у людей сильной воли.

В религиозных представлениях Мама преобладающими оставались впечатления ее протестантского воспитания. В нашей религии для нее радостью и утешением были только молитвы об умерших, оттого что они теснее соединяли ее с покойной матерью. Ни Богослужения, ни молитвы не могли умилить ее до слез. И все же кому случалось быть свидетелем того, как Мама с Папа готовились к причастию, тот обнаружил бы, до какой степени верующими они

были. В эти дни Папа был преисполнен детски-трогательного рвения, Мама же была скорее сдержанная, но без налета всякой грусти».

«Папа радовало то, что его любили в народе за его справедливость и энергию. Уважение, внушаемое им, исходило главным образом от его взгляда, который могли выдерживать только люди с чистой совестью; все искусственное, все наигранное рушилось, и всегда удавалось этому взгляду торжествовать надо всем ему враждебным.

Папа стоял как часовой на своем посту. Господь поставил его туда, один Господь был в состоянии отозвать его оттуда, и мысль об отречении была несовместима с его представлением о чувстве долга. В то время он был на высоте своей власти, и его влияние на окружающих казалось безграничным. Позднее, когда он знал, что существуют границы даже для самодержавного монарха и что результаты тридцатилетних трудов и жертвенных усилий принесли только очень посредственные плоды, его восторг и рвение уступили место безграничной грусти. Но мужество никогда не оставляло его, он был слишком верующим, чтобы предаться унынию: но он понял, как ничтожен человек. Как часто он говорил нам в это время: “Когда меня не будет больше, молитесь обо мне”».

И, конечно, нельзя не остановиться на том, что отметила в своих мемуарах, опровергая сплетни, Ольга Николаевна. Ну, во-первых, мы уже обратили внимание на признание самого императора в записках, что первой женщиной была у него его супруга. Ну а дочь прибавила к тому факты об отношениях его к семье:

«Я повторяю то, о чем уже говорила однажды: Папа женился по любви, по влечению сердца, был верен своей жене и хранил эту верность из убеждения, из веры в судьбу, пославшую ему ее, как Ангела-Хранителя».

Ну и о том, как относился он к детям:

«Накануне Нового года Папа появился у постели каждого из нас, семи детей, чтобы благословить нас. Прижавшись головкой к его плечу, я сказала ему, как я благодарна ему за всю ту заботу и любовь, которые он проявлял ко мне во время моей болезни. “Не благодари меня, – ответил он, – то, что я чувствую, естественно; когда у тебя самой будут дети, ты поймешь меня”».

И еще в трудный день, когда решался вопрос о замужестве:

«Вечером в тот же день Папа постучался ко мне: “Если у тебя есть потребность в беседе, здесь перед тобой друг, которому ты можешь излить свое сердце!”»

А вот сцена перед свадьбой:

«Когда я вечером 30 июня поднялась в последний раз в свою комнатку, я долго не могла заснуть. Я позвала Анну Алексеевну, и мы долго говорили на моем балконе. После полуночи Папа постучался в мою дверь: “Как, вы все еще не спите?” Он обнял меня, мы вместе опустились на колени, чтобы помолиться, и потом он благословил меня. Как он был нежен ко мне! Какой бесконечной любовью звучали его слова! Потом он поблагодарил Анну Алексеевну за все, что она сделала для меня во время нашего десятилетнего совместного пребывания. В дверях он еще раз повернулся ко мне и сказал: “Будь Карлу тем же, чем все эти годы была для меня Мама!”»

Как-то не очень вяжутся эти факты с разрисованным лжеисториками образом «чудовища с оловянными глазами», которое «приступом брало женщин, понравившихся ему», но именно так изображают государя клеветники и пасквилянты всех мастей.

Каждому ребенку нужно детство

Но вернемся к воспитанию и образованию цесаревича. Бунт был разгромлен. Начались учебные будни.

Анне Петровне Зонтаг Жуковский признавался:

«В голове одна мысль, в душе одно желание, не думавши, не гадавши, я сделался наставником Наследника престола! Какая забота и ответственность! Занятие питательное для души! Цель для целой остальной жизни! Чувствую ее великость и всеми мыслями стремлюсь к ней!.. Занятий множество. Надобно учить и учиться, время захвачено... Прощай навсегда, поэзия с рифмами!»

Доктор исторических наук профессор Игорь Викторович Зимин в книге «Повседневная жизнь императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение» рассказывает:

«Воспитание мальчиков в царской семье имело свою специфику. Девочки “уходили” из дома в семьи владетельных особ по всей Европе, а мальчики должны были служить России. По традиции, для них была возможна только одна карьера – карьера русского офицера, поэтому их воспитателями назначались только офицеры. Учителями могли быть и статские специалисты, но воспитателями – только военные».

Поскольку воспитанию цесаревича уделялось особое внимание, то и подбор воспитателя к нему велся с особым тщанием. В июле 1824 г. воспитателем шестилетнего великого князя Александра Николаевича назначается капитан Карл Карлович Мердер, «прирожденный педагог, тактичный и внимательный». Надо отметить, что Николай Павлович тогда еще не был императором и мало кто предполагал, что он им когда-либо будет. Но 30-летний Николай Павлович знал о своих перспективах и считал, что его старший сын рано или поздно станет цесаревичем. Тем не менее выбор К.К. Мердера лично Николаем Павловичем удивил петербургскую публику. Впоследствии все единодушно признали, насколько удачен оказался этот выбор. Редкий случай, когда большинство мемуаристов единодушно сошлись в высокой оценке К.К. Мердера. А.С. Пушкин, который, бывая в Зимнем дворце, знал Мердера, отметил в дневнике: «Мердер умер, – человек добрый и честный, незаменимый».

Мердер занимался с цесаревичем военными науками, Жуковский же – в первую очередь русским языком и литературой, хотя и у того и другого главной задачей оставалось духовно-нравственное воспитание.

*Воспитатель цесаревича Александра К.К. Мердер.
Неизвестный художник*

Жуковскому и Мердеру удалось найти общий язык и согласованно делать общее дело. Василий Андреевич так оценивал своего коллегу: «В данном им воспитании не было ничего искусственного; вся тайна состояла в благодетельном, тихом, но беспрестанном действии прекрасной души его... Его питомец... слышал один голос правды, видел одно бескорыстие... могла ли душа его не полюбить добра, могла ли в то же время не приобрести и уважения к человечеству, столь необходимого во всякой жизни, особливо в жизни близ трона и на троне».

И. Зимин писал: «К.К. Мердер в своей педагогической практике тесно увязывал воспитание и образование цесаревича. Например, в 1829 г. он осуществил проект, названный “кассой благотворения”. Смысл заключался в том, что успехи в науках и поведении цесаревича и его двух приятелей оценивались в денежной форме. Но накопленные личные деньги должны были идти не на собственные нужды, а на благотворительность. Два раза в год предполагалось

считать собранные деньги и тратить их на какое-либо полезное дело или благотворительность. Николай I одобрил идею, и касса действовала во все время обучения наследника».

Василий Андреевич Жуковский считал, что каждому ребенку нужно детство. Ему просто необходимы беспечные детские забавы. Нельзя воспитывать даже наследника престола с помощью постоянных напоминаний ему о его грядущей роли. Ребенок в детстве развивается с помощью игр. Ему нужны сверстники для этих игр. И важно, чтобы у мальчишек были сверстники, а у девочек – сверстницы. Наверное, он к тому времени уже начинал осознавать, что ему как раз в детстве именно сверстников не хватало, как, кстати, не хватало и Пушкину, который в какой-то мере жил жизнью старшей сестры. Правда, все потом поправил лицей – это хоть и не военное учебное заведение, но устроенное по многим принципам военной школы, в частности кадетских корпусов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.